

Дальневосточное региональное литературное издание

Литературный меридиан

Ноябрь 2009 г.
№ 11 (23)

В.К. АРСЕНЬЕВ

К ЮБИЛЕЮ
М. МЕНЬШИКОВА
(с. 5)

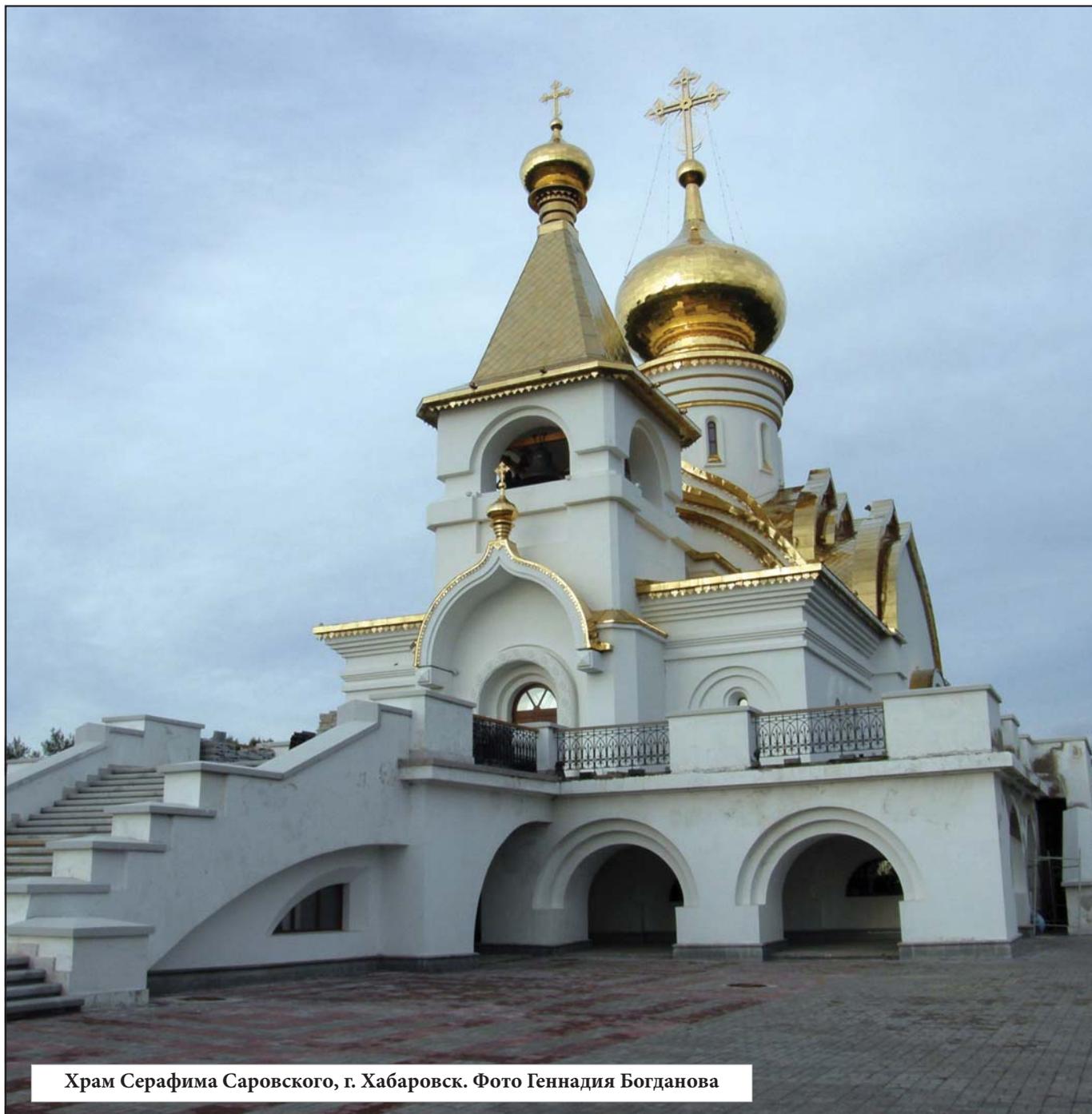
МОРСКОЙ
КОНКУРС!!!
(с. 7)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ПУТЕВОДИТЕЛЬ
Ю. КАБАНКОВ (с. 10)

МАЭСТРО
Евгений ВЕСНИК
(с. 16)

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «МИЛИЦЕЙСКИЙ ВЕСТНИК», г. АРСЕНЬЕВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Храм Серафима Саровского, г. Хабаровск. Фото Геннадия Богданова

ИСТОКИ
Александр ЕГОРОВ
(с. 18)

ПОЭЗИЯ
Леонид ФИЛАТОВ
(с. 27)

ПОЭЗИЯ
Владимир ТЫЦКИХ
(с. 30)

ИТОГИ КОНКУРСА
(с. 32)

Коротко о главном

Газета приучает читателя размышлять о том, чего он не знает, и знать то, что не понимает.

В. Ключевский

Подписная кампания в самом разгаре, и значит – пришло время поспешить на почту для оформления подписки на «Литературный меридиан». Почему «поспешить»? И почему на «Литературный меридиан»? – спросит любопытный читатель.

Поспешить нужно по одной причине – до конца ноября мы сохраняем ЛЬГОТНУЮ стоимость подписки на ежемесячник. Стоимость полугодичного абонемента – 220 рублей, годового – 430. В декабре-январе оформление подписки станет дороже на 20-30 рублей. Нам известно, что в большинстве своём читатель «ЛитМ» – человек скромных доходов, потому и стремимся всеми силами удержать рост цен на «ЛитМ», потому и экономят сотрудники редакции каждый подписной рубль, работая на общественных началах – ночами и по выходным. Но, к сожалению, даже из высших побуждений типография не может тиражировать наше издание бесплатно... И почтовые услуги дорожают регулярно.

В очередной раз сотрудники редакции «Литмеридиана» обращаются к равнодушным авторам и подписчикам нашего издания: приглашайте к сотрудничеству ваших талантливых земляков – поэтов, прозаиков, журналистов, литературоведов. Расскажите о «Литературном меридиане» в городских, школьных, вузовских библиотеках. Напишите заметки в ваши местные газеты. Чем больше мы соберём подписчиков, тем выше вероятность того, что мы сумеем увеличить объём, улучшить полиграфическое исполнение ежемесячника, радуя нашего читателя и высокохудожественным качеством публикаций, и привлекательным внешним видом издания.

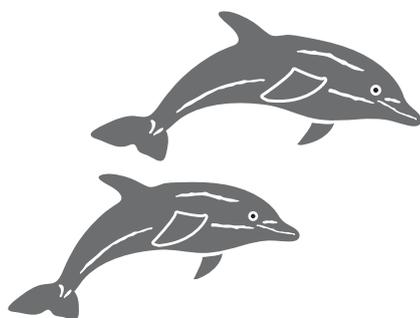
Вот поэтому и нужно подписаться именно на «Литературный меридиан» – это **НАШЕ ОБЩЕЕ** издание. Пожалуйста, не уклоняйтесь от Сотрудничества, Сотворчества.

Редколлегия «Литературного меридиана» приглашает к сотрудничеству художников. К публикациям принимаются **контрастные** рисунки, выполненные карандашом (тушью). Выбор тематики зависит только от фантазии авторов – пейзаж, портрет, абстракция. Возможно, кто-то сумеет сопроводить своеобразными визитными карточками наши постоянные рубрики. Активных авторов мы обязательно будем поощрять.

* * *

Мы приглашаем ответственных, равнодушных подписчиков и читателей стать представителями «Литературного меридиана» в городах и субъектах Российской Федерации. Просьба обращаться письменно по адресу «ЛитМ», указанному в выходных данных.

Владимир КОСТЫЛЕВ

НЕМой КИНЕМАТОГРАФ

Геннадий БОГДАНОВ

Итак, поговорим о поэзии и не только о ней. С уверенностью скажу, что октябрьский номер «Литературного меридиана» удался. Чего стоит «фото-вспышка» **Юрия Кабанкова** об интереснейшем поэте **Юрии Кузнецове!**

Такое красочное воспоминание очень дорого мне и моим коллегам по перу.

Тогда, в восьмидесятых, мы не расставались с книгами Ю. Кузнецова «Русский узел» и «Душа верна неведомым пределам». Цитировали его стихи, заученные наизусть. Особенно в ходу была «Атомная сказка» и «Тегеранские сны». Да и сейчас стихи Кузнецова свежи и актуальны.

Рубрика «**Неопалимая купина**» нечастая гостья на страницах нашей газеты. Хотелось бы, чтобы материалы рубрики не перепечатывались из православных сборников, а были написаны нашими уважаемыми авторами, священниками, студентами духовной семинарии и просто неравнодушными мирянами.

Интересна и полемична заметка **Сергея Авилова** «Хоть горшком назови». Стоит прислушаться к словам автора, особенно людям пишущим.

Заслуживает внимания читателя «Медвежий ключ» **Борислава Романова**. За свою жизнь мне посчастливилось дважды побывать в тех таёжных местах, о которых поведал нам автор этой были. Сильные духом люди живут в этих краях.

С добрым юмором рассказана **Людмилой Берестовой** мужицкая байка под заголовком «Бригада». Крепки наши отечественные работяги, коль усугубив столько водки, смогли переплыть Усури и невредимыми вернуться домой. Недаром говорят: пьяному море по колено, а Усури по щиколотку.

Поэт **Николай Чайка** верен себе. С первых строчек узнаю его метафоричную манеру, его мелодичную интонацию. В стихотворении «Про бурундука» не всё так просто как кажется из названия – вдумчивого прочтения и размышления требует концовка произведения. Хороши и остальные стихотворения в подборке «Потом был дождь».

В очередной раз удивил нас своими стихами **Александр Баш**. Не без доли юмора написаны некоторые стихи в подборке «Я счастлив!» Особенно хочу выделить стихотворение «Всё утро звенела синица». Легкое, светлое и радостное чувство рождает оно у чи-

тателя. Возможно, и написано оно было так же легко в присутствии Музы автора.

Стихи **Александры Золотарь** следует читать вдумчиво, не торопясь. Они глубоки и философичны. Стихотворение «Как девочка» не так давно уже было опубликовано в «ЛитМ», но с удовольствием прочитал его ещё раз. Также отмечу стихотворение «Нас позовут». О нём, пожалуй, можно написать научную статью на тему «Жизнь после жизни».

Симон Слуцкий – неординарный поэт. Взять хотя бы его стихотворение «Кинематограф», посвящённое Н. Гумилёву. Нельзя читать его без трепета и волнения. Мне кажется, оно тронет самую закоряченную душу, любое каменное сердце заставит биться пиному. Какая великолепная метафора: «Воспалённые бронхи вокзала никотиновый cedят дымок!» «Кинематограф» я назвал бы стихотворением этого номера «ЛитМ».

Несколько слов о гражданственности в литературе, в частности в поэзии. Один мой коллега, автор многочисленных статей, считает, что многие публикуемые в «ЛитМ» стихи личностные и лишены гражданственности. У меня другое мнение по этому поводу. Иногда сугубо личные стихи бывают глубоко социальны и гражданственны. К примеру, стихотворение **Н. Зиновьева** «Стояла летняя жара». В нём всего восемь строк. Маленькое стихотворение повествует о простой жизни в обычной квартире, возможно, коммунальной, где проходило детство автора. Но обратим внимание на последние две строки: «Не знаю, чья была та власть, / Но жизнь была на жизнь похожа». И этим всё сказано. Позиция автора вполне гражданственна.

Впрочем, на недавнем заседании Клуба друзей журнала «Дальний Восток» **Людмила Миланич** должна была читать стихи из своей юбилейной подборки. И Людмила Ивановна читала нам... стихи Николая Зиновьева и рассказывала об этом замечательном поэте. Это тоже глубоко гражданская позиция известной дальневосточной поэтессы, автора многих поэтических книг и редактора отдела поэзии журнала «Дальний Восток».

Желаю всем нашим авторам и читателям здоровья, благополучия и новых литературных открытий.

ЛЕСНЫЕ ИСТОРИИ

Н. Кортелев,
п. Кавалерово

Рысь

Был в моей жизни такой случай. В 1956 году наша буровая вышка стояла в километре от п. Оловянного. В то время вокруг поселка простиралась почти нетронутая тайга. Работали мы в три смены. Я жил в поселке Лифудзин. До Оловянного горняков доставляли на грузовых автомашинах. Ежедневно на работу мы добирались на так называемых «шестерках».

Наша буровая располагалась напротив профилактория, вверх по сопке. Мы доходили до буровой за 20-30 минут напрямую по крутому склону. Назад, вниз – за 10 минут.

В один из майских дней я должен был заступить на смену в 12 часов ночи. Решил не ехать на машине, а идти по тропе. У меня был хороший карманный фонарик. Освещая тропу, я углубился в лес. Пройдя метров сто вверх, я услышал какой-то шорох на дереве рядом с тропой. Я остановился, направил луч фонаря на дерево, но ничего не увидел. Немного постояв и посветив вокруг, я вновь продолжил путь. Но стоило мне сделать несколько шагов, как в стороне на дереве вновь что-то зашуршало. Я опять остановился и направил луч света на дерево, откуда услышал шорох. Вначале подумал, что это прыгает белка, и продолжил путь. Не успел пройти 20-30 метров, как впереди раздался сильный треск, и что-то упало вниз. Я направил на это место луч фонаря, подошел ближе, но, ничего не обнаружив, продолжил путь вверх по тропе.

Стало страшно: а вдруг это медведь? Я остановился, закурил, минут пять стоял с включенным фонарем, светил на кедры-великаны, но ничего и никого... Стояла тишина, и лишь внизу, в поселке, был слышен лай собак. Возвращаться назад? Но ведь это срыв смены, и двое рабочих будут ждать меня до утра. Решил идти на буровую. Оттуда уже хорошо просматривался прожектор.

Ребята меня уже ожидали и, услышав мои шаги, направили в мою сторону луч прожектора. Сильный свет осветил большую площадь леса и, видимо, напугал зверя. Неожиданно с ближнего дерева прыгнула огромная кошка. Какое-то время она пробежала по склону. Трава была невысокой, и в свете прожектора мне хорошо были видны красивые кисточки на ушах и короткий обрубок хвоста. Через мгновение зверь исчез.

Любопытная кабарга

В мае 1971 года мы вели геологическую разведку бурением скважин по ключу Балаганному на участке «Силинский»: пробурили скважину до проектной глубины и начали делать монтаж буровой выше по распадку. В первый день монтажных работ мы перевозили буровой станок «Зиф-650» на санях при помощи бульдозера. К полудню с большой натугой трактор дотащил буровую до места. Время было обедать, и мы, не глуша мотора, всей бригадой в десять человек сели прямо около трактора.

Смех, шутки, лес ожил, наполнился шумом. Для геологов забурка новой скважины – как для моряков спуск на воду

корабля. Моряки разбивают о борт бутылку шампанского, а буровики обмывают забурку – разливают поллитра водки по кружкам, а сто граммов льют в скважину. Только мы приступили к обеду, как вдруг Саша Гимадиев воскликнул: «Смотрите, смотрите!». Все устремили взор туда, куда показывал Саша. В пятидесяти метрах от нас сидела кабарга и внимательно смотрела в нашу сторону. Мы замерли и начали наблюдать за лесной красавицей. Кабарожка не трогалась с места. Вначале мы подумали, что она запуталась в какой-нибудь старой петле. Павел Рыжков предложил посмотреть – встал и пошел по направлению к зверьку. Едва он сделал несколько шагов, как зверек исчез. Мы все подошли к тому месту, где только что была кабарожка. На месте, где сидела гостья, осталась лишь примятая травка.

...Мы приступили к монтажу. Кабарожка всем как бы придавала силы. Разговоры были только о зверьке: что же заинтересовало зверька, почему он пришел к людям. Ведь столько шума от нас было в лесу, гудел мотор трактора, а кабарга сидела и наблюдала.

В тот день мы сделали очень много, и в конце смены, собираясь домой, шутя говорили, что это нам кабарожка помогла. Когда начали усаживаться на сани, чтобы ехать домой, Иван Самойлов вдруг крикнул: «Смотрите!» Мы обернулись и... рассмеялись. Почти на том же месте, в такой же позе сидела наша знакомая красавица, и, как ни в чем не бывало, смотрела в нашу сторону. Кто-то из ребят хотел побежать к ней, но бригадир Владимир Жерихов прикрикнул: «Пусть сидит, не трогайте ее, она наша помощница. Смотрите, сколько мы сегодня сделали». И в шутку сказал, что мы ее в бригаду зачислим.

На другой день в восемь утра бригада всем составом приступила к завершению монтажа. Разговор шел о вчерашнем происшествии. Часа через два примерно на том же месте появилась наша гостья и, как и вчера, усталилась в нашу сторону. Через некоторое время автомашина привезла буровые штанги, трубы. Началась разгрузка. При этом поднялся такой шум, что от звона падающих труб закладывало уши. И тем не менее зверек, как ни в чем не бывало, продолжал наблюдать за нами. Коль кабарожка такая любопытная, мы решили больше не подходить к месту, где она сидела. На следующий день бригада прибыла на буровую, почему-то надеясь, что кабарожка будет встречать нас, но лесной красавицы не оказалось. Не появилась она и в течение дня. Все как-то приуныли. Куда-то девались азарт и сноровка. И сделали мы в тот день гораздо меньше, чем было запланировано. Казалось бы, ну, ушла гостья, ну и что? Но, видимо, есть что-то такое, что заставляет человека радоваться всему: зверьку, маленькой птичке, даже простой зеленой травинке. Когда смонтировали буровую и началось бурение скважины, у нас появился бурундук, который жил с нами, регулярно приходил на обед, разрешал погладить его.

Бурение проходило благополучно, скважину мы пробурили до проектной глубины, где была обнаружена жила с хорошим содержанием олова.

«Я один из русских пророков...»

МИХАИЛУ МЕНЬШИКОВУ – 150

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА №41 (6245) (2009-10-07)

Михаил Осипович Меньшиков, внук сельского священника из Новоржева Псковской губернии, начинал свой жизненный путь примерно так же, как многие прогрессивные русские литераторы, «поповичи» по происхождению, – Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Помяловский, Златовратский, Н. Успенский. Ещё в годы учёбы в Кронштадтском морском техническом училище (1873–1877) Меньшиков распространял среди воспитанников запрещённые издания. В 1881 году, будучи офицером Русского флота, он подвергся в Петербурге обыску и аресту по подозрению в политической неблагонадёжности. Видимо, именно «неблагонадёжность» не позволила Меньшикову сделать блестящую карьеру военного учёного. А ведь он издал два фундаментальных труда по гидрографии, один из которых, «Руководство к чтению морских карт», был переведён на французский язык для употребления во французском флоте (Париж, 1892). Считается, что именно Меньшикову принадлежит идея о создании авианосцев. Научные занятия он успешно совмещал с литературной деятельностью. В 1879 г. двадцатилетний Меньшиков печатает в петербургских и кронштадтских газетах серию очерков о кругосветном плавании на броненосном фрегате «Князь Пожарский», собранных впоследствии в книгу «По портам Европы».

В 1892 г. штабс-капитан Меньшиков выходит в отставку и становится ведущим сотрудником, а потом фактическим руководителем либеральной газеты «Неделя». В ту пору Меньшиков находился под громадным влиянием творчества и личности Л.Н. Толстого. Они познакомились в 1894 г. Толстой называл Меньшикова «человеком, одарённым большими критическими способностями», «хорошим, добрым, умным последователем».

Но уже тогда, в пору сильнейшего увлечения Меньшикова Толстым, в его публицистике стали звучать мотивы, свойственные, скорее, литераторам консервативного направления. Видимо, семейные традиции Меньшиковых и служба во флоте всё-таки сыграли свою роль. А когда философия, общественные позиции Толстого стали смещаться в область чистой политики, вступать в конфронтацию с интересами государства, армии, Церкви, Меньшиков не принял этих метаморфоз и счёл своим долгом полемизировать с Толстым и его окружением – сначала мягко, а потом всё твёрже.

Именно в это время произошло событие, до конца жизни определившее судьбу Меньшикова. С 1901 г. он стал постоянным автором суворинского «Нового време-

ни». Популярность этой православно-патриотической газеты в России была настолько велика, что позволила сделать её многолетнему сотруднику В.В. Розанову такой вывод: «Было впечатление, как бы других газет не было... На много лет, на десятки лет – «Новое время» сделало неслышным ничей голос, кроме своего».

Михаил Меньшиков

Меньшиков вёл в газете рубрику «Письма к ближним», публикуя еженедельно по две-три статьи, не считая больших воскресных фельетонов. Помимо этого, в 1902 г. «Письма к ближним» стали выходить ежемесячным приложением к «Новому времени», а с 1907 г. – «Письма к русской нации» – нечто вроде «Дневника писателя» Достоевского. Внешне (до революции 1905 г.) взгляды Меньшикова мало изменились по сравнению с тем периодом, когда он писал для «Недели». Он по-прежнему считал, что не народ должен служить чиновникам, а чиновники народу. «Наша бюрократия... свела историческую силу нации на нет», – утверждал он. Таким образом, его критические взгляды на бюрократию по-прежнему совпадали со взглядами Л. Толстого, но Толстой в отличие от Меньшикова вообще не признавал (во всяком случае, на словах) такого понятия, как «историческая сила нации». Толстой разоблачал бюрократию с точки зрения анархиста, а Меньшиков – с точки зрения государственника. Не мог Меньшиков разделить взглядов Толстого и на православие, считая его духовной основой русской нации и русской государственности. Но надо сказать, что Толстой, весьма скупой на похвалу, с восторгом отзывался о некоторых статьях Меньшикова даже в период резкого охлаждения между ними: «Спасибо вам, Михаил Осипович, за ваше вступление к фельетону «Две России». Я заплакал, читая его. И теперь, вспоминая, не могу удержать выступающие слёзы умиления и печали. Но умру всё-таки с верой, что Россия эта жива и не умрёт. Много бы хотелось сказать, но ограничусь тем, что благодарю и по-братски целую вас»

(23 января 1907 г.). Между тем публицист А. Рейтблат утверждал в статье с характерным названием «Котёл фельетонных объедков»: случай М.О. Меньшикова» (1999), что Толстой уже «в 1906 г. прекратил общение с ним», и лишь после этого «Меньшиков стал публиковать антитолстовские статьи, обвиняя его в ненависти к России». Это, как видите, неправда. И подобной неправды о Меньшикове написано очень много.

Чем ближе к концу подходил XIX век, тем сильнее угадывал Меньшиков опасности, которые угрожали и существованию Российского государства, и русского народа в наступающем веке. Могучие древние цивилизации, и римскую, и греческую, размышлял он, сгубили не внешние нашествия, а нашествие внутреннее, которое называется нравственным разложением общества и в котором народное тело истончается болезнями праздности, вседозволенности и безволия. «Никогда старое дерево не бывает таким толстым и огромным, как накануне падения. Никогда старая аристократия не бывает так откормлена, пышна, величественна, как в эпоху крушения своего, ибо внутри у неё вместо души – труха», – с горечью писал Михаил Осипович в 1918 году.

Современный историк Михаил Смолин совершенно справедливо, на мой взгляд, утверждает: «В публицистике как писательском жанре М.О. Меньшиков – такая же знаковая величина, как в прозе граф Л.Н. Толстой или в поэзии М.Ю. Лермонтов, примерно с таким же набором pro и contra, который вызывали и вызывают до сего дня упомянутые великие писательские таланты».

Не менее знаковой величиной Михаил Осипович является в русской критике, чему убедительное свидетельство его блестящие работы о Гоголе, Белинском, Достоевском, Льве Толстом, Чехове, Горьком, Шевченко и других писателях. Он писал статьи и очерки легко, свободно, ясно, живым, чистым, не замусоренным русским языком. При этом Меньшиков обладал необыкновенной работоспособностью. Его статьи – непринуждённая беседа с читателем, но каждая – диагноз, приговор. Умение Михаила Осиповича находить болевые точки государственного, культурного, народного бытия никем не превзойдено. Фельетоны Меньшикова об украинских националистах начала XX века читаются с той же остротой (и даже, может быть, большей) сейчас, в начале века XXI.

Но вообще, чтобы понять, каким он был публицистом, никаких особых слов и эпитетов не нужно. Его убили за публицистику – и этим всё сказано. В сентябре 1918 года валдайские чекисты Гильфонт, Губа, Давидсон и Якобсон даже не скрывали, что собираются расстрелять Меньшикова именно за его статьи. И расстреляли – на глазах у шестерых детей, не дав Михаилу Осиповичу закончить молитву.

Меньшиков с полным основанием мог сказать о себе: «У каждого народа перед падением были свои пророки. Я один из русских пророков – на манер Иеремии, предсказавшего гибель Иудеи и дождавшегося своих предсказаний. Многие мои предчувствия исполнились с поразительной точностью (даже год войны – 1914 – был предсказан в августе 1912 г.)».

Всё это не самовосхваление и не преувеличение. Словам Меньшикова можно найти сколько угодно документальных подтверждений. В частности, ещё в 1907 г.

он предупреждал, что назначение на высшие военные должности генерала Жилинского, предоставлявшего неверные сведения о японской армии накануне Русско-японской войны, приведёт к самым тяжким последствиям для России. И что же? Именно генерал Жилинский, в 1907 г. получивший под командование корпус, в 1911-м ставший начальником Генерального штаба, а в 1914-м – командующим Северо-Западным фронтом, явился одним из главных виновников катастрофы в Восточной Пруссии.

Оппоненты обвиняли Меньшикова в том, что он «продал своё перо Суворину». На самом деле «формула договора» между ним и А.С. Сувориным была, как вспоминал Михаил Осипович, короткой: «Пишите что угодно и как угодно, – я хорошо знаю вас по «Неделе». Но платил за это «что угодно» Суворин действительно много. «Я был миллионщиком», – признавался Меньшиков в 1918 г. Но он же, когда правительство после начала Первой мировой войны призвало население сдать имеющиеся на руках золотые монеты в обмен на ассигнации, не задумываясь, отнёс в Госбанк саквояж, набитый золотыми червонцами. Этот патриотический поступок в 1918 г. станет для него роковым. Бумажные деньги тогда стремительно обесценивались, а крупные вклады в банках большевики конфисковали. Меньшиков и его большая семья остались без средств к существованию.

В.В. Шульгин, которому сильно досталось от Михаила Осиповича в одной из статей, тем не менее свидетельствовал, что Меньшиков имел «такое положение и влияние, что решительно ни от кого не зависел». Немало высокопоставленных чинов ушло в отставку после статей Меньшикова, немало тщательно законспирированных афер было разоблачено. Неоднократно высокие лица подавали на него в суд, но неизменно проигрывали.

Этой независимости, смелости, влиятельности и высокой правдивости Меньшикову не прощали. Он вызывал, что называется, классовую ненависть у действительно продажных журналистов и литераторов, которых за одно лишь слово против хозяев, финансовых и политических, могли мгновенно выставить из их изданий. А политические противники ненавидели Михаила Осиповича за то, что он своими статьями достигал того, чего они могли добиться лишь большими деньгами и усилиями.

Меньшиков бывал крайне субъективен при выражении идей, весьма, как ни парадоксально, исторически объективных. Например, размышления Михаила Осиповича об истоках анархии в первой русской революции (в духе пословицы «Посеешь ветер, пожнёшь бурю») были через несколько лет подхвачены авторами известного сборника «Вехи», которые во время революции яростно спорили с Меньшиковым и его единомышленниками. Он нетерпимо и даже оскорбительно высказывался о своих литературных и политических врагах, но мы не можем не признать, что кровавую бойню, устроенную революционерами после 1917 г., предсказал заранее именно Меньшиков, а его оппоненты тогда кричали ему: «Клевета!» Потом, уже в эмиграции, они, подобно «веховцам», начали говорить о революции 1917 г. то же самое, что и Меньшиков, но имени его при этом не упоминали...

В последние месяцы жизни на Валдае Меньшикова не оставляли горькие мысли о судьбе страны и династии...

21 июня 1918 г. он писал: «Сегодня видел сон: как будто я стою в храме, где почти никого нет, – я и Николай II. Он говорит, указывая на пол: «Что это?» довольно строгим голосом. Я на одно мгновение усумнился, ко мне ли этот вопрос, и, поняв, что ко мне, ответил: «Это грязь, Ваше Величество» (и подумал, не обиделся бы он, что не сказал императорское Величество). Тогда царь молча стёр подошвой эту грязь (такую, какая прилипает к обуви на улице). Мне показалось, что мне о чём-то нужно говорить с государем, но сразу нашло очень много народа прикладываться к кресту, который будто бы вынес не священник, а тот же Николай II, и мне показалось, что когда я приложусь, тогда и поговорю с ним. С этим проснулся. Не в связи ли этот сон со слухами, что Николай II убит?»

Это было предпоследнее пророчество Меньшикова. Он сделал его за 26 дней до расстрела Николая II и его семьи и за три месяца до собственной смерти. Очевидно, в этом вещем сне Меньшикову была предсказана не только гибель царя, но и его собственная: «будто я стою в храме, где почти никого нет, – я и Николай II».

Этот трагический дуэт – Николая II и Меньшикова – символ исторического пути России до 1917 г. Николай II – это наше прошлое, к которому уже нет возврата, а Меньшиков – это наше будущее, которое не осуществилось. «Народ беспомощен вне власти, но и власть, как оказывается, бессильна без народа, – писал Меньшиков незадолго до революции. – О действительном единении этих двух условий – государства и народа – народ мечтает как о спасительной самозащите». Увы, он мечтает об этом до сих пор...

Последнее пророчество Меньшикова касается уже нашего времени: «О Ленине сужу по 2–3 прочитанным его статьям. Человек, судя по ним, не лишённый таланта и большого характера. Крупный, во всяком случае, человек. Тиран типический, но, м. б., большая ошибка судьбы, что не он сидел на престоле Николая II. Оба – мученики политики и оба противники в земле... Они будут продолжать войну из-за гроба».

То есть на самом деле это мы её будем продолжать. И, судя по всему, продолжаем. А хотелось бы уже закончить.

Андрей ВОРОНЦОВ

Литературно-художественный конкурс «ШУМИТ ВОЛНА, ЗВЕНИТ СТРУНА...», посвящённый Году моряка

Когда-то морем бредил чуть ли не каждый мальчишка бывшего необъятного Советского Союза. Моряк всегда считался человеком мужественным, надёжным, готовым прийти на помощь любому, кто подаст сигнал SOS. Во времена великих сражений военные моряки и офицеры бесстрашно шли в рукопашную на редуты врага, ведя бой «...не ради славы, ради жизни на земле». И в мирное время моряк являлся образцом дисциплины, порядка, честного служения Родине. Его дом – корабль, на котором проходит большая часть жизни. В известной песне есть такие слова: «...нам экипаж семья...». Точнее не придумаешь. И ещё: моряк и романтика – единое целое. Так было вчера... Что сегодня?

Всего, как утверждают статистики, в мире около 1,5 млн. моряков. Из них лишь 232 тыс. трудятся под коллективными договорами Международной Федерации Транспортных рабочих (МФТ). В XXI веке, когда телефония, электроника, телевидение, навигационная техника достигли заоблачных вершин, защищённость некогда уважаемой профессии оказалась на критической отметке. Парадоксально!..

К исчезновению людей в океане, пиратским нападениям, хроническим задержкам заработной платы, недостатку продуктов питания и пресной воды прибавились неукомплектованность экипажей квалифицированным командным составом, нехваткой морских офицеров. Российские судомеханики, судоводители, матросы уходят в плавание под «удобным флагом», но только не под нашим трёхцветным полотнищем – таковы реалии сегодняшнего дня.

Генеральный секретарь Международной Морской Организации (ИМО) Efthimios Mitropoulos предложил объявить 2010 год Годом моряка. Если не принять кардинальных мер, оставить на потом престиж морской профессии, то в будущем океанические суда станут музейными экспонатами, не более того. Очень важно вернуть романтический ореол этой уникальной профессии, имея яркий пример преданного служения отечеству Колумба, Магеллана, Невельского, Крузенштерна, Лисянского, Нахимова, Макарова, других знаменитых флотоводцев. В этот ряд можно поставить женщину-капитана дальнего плавания А.И. Щетинину. Столетний юбилей Анны Ивановны на российском флоте отметили в 2008 году. Основные торжества прошли в Морском государственном университете имени адмирала Г.И. Невельского, в стенах которого подготовлено немало выдающихся мореходов. Так совпало, Год моряка приходится на большой юбилей – 120-летие морского образования на Дальнем Востоке. Началось морское образование с открытия 14 ноября 1890 года Александровских мореходных классов во Владивостоке. С той поры много славных страниц вписано в летопись теперь уже МГУ – высшего учебного заведения, известного далеко за пределами России.

Год моряка совпал с другой значимой датой – 65-летним юбилеем Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

Редакция «Литературного меридиана» в канун 120-летия морского образования на Дальнем Востоке объявляет литературно-публицистический конкурс «Шумит волна, звенит струна...», посвящённый Году моряка. Участвуют все желающие. Дипломанты и лауреаты будут определены в восьми номинациях: «Поэзия», «Проза», «Очерк», «Зарисовка», «Интервью», «Репортаж», «Песня», «Художественное фото (рисунок)». Подведение итогов в ноябре 2010 года.

Авторы представляют на суд жюри **не более 1** (одного) произведения в любой номинации (нескольких номинациях).

Оргкомитет конкурса.

На реке Миссисипи (LOUISIANA STATE, USA)

Новый Орлеан – Батон Руж

ПОГРУЗКА ЗЕРНОВЫХ С ЭЛЕВАТОРОВ

На реке Миссисипи от Нового Орлеана до Батон Руж (столица штата Луизиана) находится 26 элеваторов для отгрузки различных зерновых грузов и продуктов зерна, как правило, отгружаемых на экспорт. Обычно под погрузкой находятся одновременно 32 судна. Расстояние от устья реки (Southwest Pass) до порта Батон Руж составляет 200 морских миль, до порта Новый Орлеан – 105 миль.

Якорная стоянка, протяженностью 9 миль (для оформления прихода и предъявления трюмов к погрузке зерновых), находится в 80 милях от устья реки. При хорошей погоде отдаются оба якоря – по три смычки каждого, в случае штормовой погоды – пять смычек одного и три смычки другого. Якоря держат хорошо: при ветре до 20 м/с судно стоит поперёк реки, минимальное расстояние до берега 60 м. На якорной стоянке иногда бывает до 10 судов.

Для оформления прихода также используется якорная стоянка Belle Chasse. Максимальная осадка от устья реки до Нового Орлеана – 48 футов, а выше по реке от Нового Орлеана до Джоджиа Галф – 45 футов.

Морской лоцман поднимается на борт у входного буя (юго-западный проход) с подветренного борта (лоцманский катер небольших размеров), обеспечивает проводку на протяжении 25 миль. Затем на траверзе лоцманской станции Pilot town, расположенной на левом берегу, на борт поднимается речной лоцман, работающий на 67 канале УКВ, связь на рейде обеспечивается на 16 и 20 каналах. Позывной лоцманской службы: "BAR PILOT", телефон – 01#371 504 524 0844, вызов лоцмана – за 2 часа до подхода к SW Pass на 09 канале УКВ. Разрешение на вход дает Береговая охрана за сутки до прихода.

При заходе в порты США агенту сообщается следующая информация: последний порт захода и дата выхода из него; последняя дата фумигации трюмов, если перевозятся хлебные грузы; навигационное оборудование; перечень карт и пособий, посещало ли судно порты Кубы в течение последних 180 дней.

Для оформления прихода необходима судовая роль с визой США из последнего порта захода, а также документы 1-95AB "Разрешение для схода экипажа на берег", 1303 "Судовые запасы", 1304 "Декларация", 1301 "Генеральная декларация", 1300 "Таможенная декларация", судовая роль (всё – в трёх экземплярах). Судовые документы берутся под расписку. Разрешение на погрузку

зерновых грузов даётся сюрвейерами Министерства сельского хозяйства, осматривающими трюма, и Национального грузового бюро, которые проверяют расчёт устойчивости судна.

ТЕРМИНАЛ – СТАРЫЙ ПАРОХОД

Одним из старейших элеваторов является Delta Bulk Terminal, который находится в 137 милях от устья реки. Терминал для погрузки зерновых представляет собой старый пароход длиной 150 м, на палубе которого смонтированы три питателя для погрузки судов. Одновременно могут обрабатываться три судна: два грузятся на бочках, одно швартуется непосредственно к терминалу с отдачей двух якорей:

отдаётся не менее 6-ти смычек левого каната и 4-х смычек правого.

На баке подаётся два прижимных швартовых и один шпринг на терминал плюс четыре продольных на две бочки; с кормы – два продольных на бочки плюс один шпринг и продольный на терминал.

Перед началом работы со старшим стивидором оговаривается план погрузки судна, подписывается Load Confirm Sequence, который соблюдается неукоснительно. Пополнение зерна на элеваторы производится с барж и вагонов.

Погрузка производится из барж через насосы (питатели) производительностью 800 т/ч. Груз очень пыльный. Штивка в трюмах производится бульдозерами; на уложенный груз выдаётся штурманская расписка (Mate Receipt), вес указывается в лонготоннах (1 лонготонна = 1016 кг), при подписании штурманской расписки вносится оговорка: «Quantity and Quality unknown», коносамент не выписывается, агенту оставляется поручение на право его подписи после отхода судна в рейс.

Элеватор Continental grain West Wego расположен на правом берегу реки около мили вверх по течению реки почти напротив Нового Орлеана. Он построен в начале семидесятых годов и является средневозрастным, производительность при погрузке – до 2500 т/ч (кукуруза, пшеница, соя).

Большинство элеваторов принадлежит компании A.D.M, пополнение зерна на элеваторах производится из барж, вагонов и кое-где из автотранспорта, зачастую погрузка производится прямо из барж. Одним из самых больших и скоростных элеваторов в США является Zen-

Noh Grain, который приспособлен к погрузке зерна и технологической щепы; комплекс работает с 1982 г., имеет четыре питателя, скорость погрузки может достигать 3700 т/ч, для очистки транспортеров под зерно требуется шесть часов.

Владельцами элеватора является японская компания Mitsui с главной конторой в Новом Орлеане, строили терминал три года, расположен он на левом берегу реки, в районе якорной стоянки Grandview Anchorage, большая водная акватория с минимальными глубинами 25 м, используется для ожидания погрузки.

Погрузка производится в две смены – дневная с 07.00 до 19.00, ночная, как правило, используется редко. Можно брать пресную воду с причала (стоимость 500 долларов), количество не оговаривается. Используется специальный трап для сообщения с причалом, оплата за счёт фрахтователей.

По окончании погрузки оформление документов длится один час, задержка сверх этого лимита – штраф – 5000 долларов в час.

Кроме штурманской расписки, сюрвейер выдаёт только погрузочный сертификат, все остальные документы отправляются почтой в порт выгрузки: “Bill of Lading”, “Phyto sanitary cert.”, “Veterinary cert.”, “Quality cert.”, “Cert. of origin”.

В порту выгрузки агент, на основании полученных почтой документов, готовит Манифест для таможенных властей, такова практика.

NCB Сюрвейер (National Cargo Bureau) выдает под расписку Инструкцию капитану, в которой изложены основные правила, касающиеся погрузки, документации и транспортировки зерна.

Подробно все правила погрузки и перевозки зерновых грузов изложены в буклете NCB “General Information for Grain Loading”, в котором содержится вся полезная информация из “International Grain Code” редакции ИМО.

«УНЕСЁННЫЕ ВЕТРОМ»

На правом берегу реки в 127 милях от устья расположен как туристический объект старый сахарный завод колониальных времён рабства. Почерневшие от времени деревянные постройки поддерживаются в хорошем состоянии, комплекс охраняется федеральным законом. В настоящее время на полях штата Луизиана сахарный тростник для промышленных целей не культивируется.

В пяти милях от завода вверх по течению реки находится в прекрасном состоянии усадьба с аллеями вековых деревьев, главная аллея подходит почти к берегу реки. Здесь снимали фильм «Унесённые ветром». Усадьба является музеем федерального значения.

ПРАЗДНИКИ И БУДНИ

Одним из наиболее ярких праздников в Новом Орлеане является католический праздник “MARDI GRAS” (французское выражение, символ женственности), который отмечают с тех времён, когда Луизиана была колонией Франции. Сам праздник проходит в марте (в 2000 году выпал на 7 марта, а торжества начались в пятницу 25 февраля) – Two weeks before ASH WEDNESDAY – после чего идёт католический пост 40 дней.

В центре города на улице BURBON st. ежедневно до полуночи проходят праздничные гулянья. За порядком зорко следит конная полиция. Здесь всегда очень много туристов, обычно все отели в городе переполнены, балконы домов на этой улице забиты зеваками, снимающими праздник на видеокамеры и фотоаппараты.

В положенное время шум стихает, и снова начинается будничная деловая жизнь Луизианы.

Николай ЗИНОВЬЕВ

Николай Александрович, поэт из Краснодарского края, родился в 1960 году в станице Кореновской. Учился в ПТУ, станкостроительном техникуме, в университете. Работал грузчиком, бетонщиком, сварщиком. В 1987 году вышла его первая книга стихов. На сегодняшний день у Николая вышло шесть книг. В 2005 году ему была присуждена Большая литературная премия России. Стихи краснодарского поэта часто печатаются в журналах, они быстро расходятся по стране без всякой рекламы по радио или телевидению. Валентин Григорьевич Распутин сказал о поэте: «В стихах Николая Зиновьева говорит сама Россия».

***

Солнце встало. Как и надо,
Голубеют небеса.
Похмельная бригада
С «матом» лезет на леса.
А прораб, слюнявя чёлку,
Плотью чуя блудный гон,
Голоногую девчонку
Тащит в вахтовый вагон.
Истопник глядит и злится
И от зависти томится —
Тлеет «прима» на губе,
А в котле смола курится.
Глянь, Господь, что тут творится.
Это строят храм Тебе.

В ХРАМЕ

Ты просишь у Бога покоя,
И жаркой молитве вослед
Ты крестишься левой рукой,
Зажав в ней десантный берет.
И с ангельским ликом серьёзным,
Неправый свой крест сотворя,
Вздыхаешь. Под городом Грозным
Осталась десница твоя.
Осталась она не в граните,
Не в бронзе, а просто сгнила...
Стоишь, и твой ангел-хранитель
Стоит за спиной. Без крыла.

***

Ну куда я тебя приведу?
У меня нет ни дома, ни хаты.
Ветер в поле да звёзды в пруду -
Вот и всё, чем мы будем богаты.
И не надо – про рай в шалаше,
Так одна говорила уже.

ЖЕЛТОВАТЫЙ ЯПОНСКИЙ РАССВЕТ И ВСЕ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ОДУВАНЧИКОВ Вечеслава Казакевича

Юрий КАБАНКОВ

*Сказал мне друг:
«Ты будешь одинок!..»
И вот уже
хрустит песок
под каблуками...*

Это не Исикава Такубоку в переводе Веры Марковой, как может показаться на первый взгляд. Это русский поэт Вечеслав Казакевич, волею судеб вот уже полтора десятка лет живущий в Японии и преподающий русскую литературу в университете Тояма.

Предложенное пятистишие отнюдь не танка, а часть добротной строфы с традиционной рифмовкой и всеми атрибутами привычного русскому слуху стихосложения. Соединим половинки:

*...И ветер дует мне в висок,
и даль за облаками.*

Здесь, как видим, уже «нечто» сугубо русское – «и поле широко, и небо высоко»: нескончаемое затишье, протяжённость, сквозящая бесконечность, некое заоблачное безвременье – не в ходульно-социальном значении, а в его исконном, первоначальном смысле: без времени.

*Поле безлюдно и бор,
что к горизонту прижался.
Бесчеловечный простор
в стороны разбежался.*

*Перед такой пустотой,
устланной облаками,
Пушкин и Лев Толстой
кажутся пустяками.*

Вот так сразу! Ни много ни мало: абсолютные, как говорится, культурные ценности «вдруг» оказываются относительными чего-то большего. Но именно на таком «заоблачном» уровне, на этой высоте они оказываются вполне со-относительными, то бишь легко уживаются с ценностями иной высокой культуры:

*...Мы случайно сошлись в полусне,
но всё чаще в лимонном тумане
будят странную нежность во мне
самураи, монахи, крестьяне.*

*Вот утёс и кривая сосна,
дальше – моря неровная строчка,
а за морем другая страна...
Но туда я иду в одиночку...*

А в «другой стране», на западном берегу Японского моря, до сих пор стоит нескончаемая бунинская осень (до русско-японской войны еще пятнадцать лет, Бунину – девятнадцать):

*Не видно птиц. Покорно чахнет
Лес, опустевший и больной.
Грибы прошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной.*

А на другом берегу, у пролива Цугару, ту же «грибную сырость» вдыхает, «не отирая влажных глаз», девятнадцатилетний Исикава Такубоку:

*Лёгкий запах
Прели в лесу,
А порой потянет
И духом грибным...
Близится поздняя осень.*

...А война уже началась; уже потоплены и затоплены «Ослябя», «Варяг», «Пересвет», «Петропавловск», и Такубоку пишет длинное «предательское» стихотворение «Памяти адмирала Макарова», в котором «славит доблестного врага»; а через несколько лет назовёт «русским именем Соня» свою дочь («И радостно мне бывает // Порой окликнуть её...»).

И Бунин здесь не случаен с его пронзительным ощущением Родины, до которой уже не дотянуться – оттого и само ощущение столь пронзительно и безысходно (но, как писала умудрённая Анна Ахматова, «одной надеждой меньше стало – одною песней больше будет»).

И не случаен Такубоку с его трепетной, «непонятной» любовью к России, с его сполна русской неприютностью – этой нашей вечной неприкаянностью «там хорошо, где нас нет»; с его ранней – в двадцать семь лет – «своей» смертью («под стук трамвайных колёс», сказал бы я не впопад, осмелюсь использовать название фильма Куро-савы – «Додэскаден»).

*Если в трамвае,
набитом дождём,
зонтики отряхиваются, как собаки,
я сойду и буду шляться,
пока не промокну.*

Прочитав эти строки, можно было бы велеречиво заявить, что в двадцать четыре года Казакевич писал «почти по-японски». Однако тогда, в семьдесят пятом, ни о какой Японии ещё и скудной думки не могло появиться. Правда, если не считать одного знаменательного стихотворения, написанного уже в восьмидесятые, название

которому – «Японский бог». Заключительные две строчки оказались (как сейчас, оглядываясь в прошлое, хочется сказать) «пророческими», то есть поэт «как в воду глядел».

*Был наш взводный очень строг,
чуть меня встречал:
– Ты куда, японский бог? –
грозно он кричал.*

*То не в ногу я шагал –
по плацу горох...
То по облаку стрелял.
– Ну, японский бог!*

*Научился я ходить
в громовом строю.
Научился я любить
родину свою.*

*Плоскогрудая мишень,
встань передо мной!
В стороне от деревень
дым пороховой.*

*Шелестит берёз семья,
и в пыли броня...
О Япония моя,
милая моя!*

Это стихотворение, где ироническим эвфемизмом известного русского мата является «японский бог», опубликовано во второй книге поэта, которую он назвал почти плакатно (в смысле: «А ты записался добровольцем?») – «Кто назовет меня братом?» Книга вышла в издательстве «Современник» в 1987 году. Музыкальным и смысловым камертоном всей книги можно считать двенадцать неприятельских строк из «десяти тысяч одуванчиков»:

*В сторонке от посёлка дачного
живёт старуха вместе с кошкой.
И десять тысяч одуванчиков
молчат у низкого окошка.*

*Стоит изба над самым озером,
на днях её снесут бульдозером.
Но знают птицы и зверьё,
что есть защита у неё.*

*За дом, за кошку на диванчике,
за бабу, что устала жить,
все десять тысяч одуванчиков
готовы головы сложить.*

Девяносто первый год внёс, как говорится, свои эсхатологические коррективы в заповеданную Пушкиным «любовь к родному пепелищу»: не стало страны, в которой мы жили, и прошедшая наша жизнь вдруг увиделась, «как сон пустой». Да и – «был ли мальчик?»

*И неизвестно никому,
зато отлично видно мне,*

*что держатся дома, поля,
покой, Россия, небосвод
на мальчике среди жнивья,
который пропадёт вот-вот...*

Но ведь тонул-то мальчик – пусть хоть и «среди жнивья» – прямо на глазах наших, а мы, как тот горьковский герой не нашего времени, не смогли (или фаталистически не захотели?) спасти его. Отчаянное сознание вины, беспомощности, незащитности, поверженности, опрокинутости и даже «распластанности» («лежачего не бьют»?) даёт «вдруг» резкий широкофокусный, кинематографически расхристаный ракурс снизу:

*...Конь идёт, цыплята в сенцах, скрип стрекоз,
игра котят,
как два белых полотенца в небе аисты летят,
пьяненькая фельдшерица повалилась у реки
и кричит холщовым птицам: «Киньте палку, мужики!»*

*А к порогу райской жизни крепко радуга прибита,
облака стоят горою, и охота пушку взять,
и стрелять, и быть убитым, и валяться под ракетой,
в белых аистов сморкаться, бабам юбки задирать.*

Потому что – как в стихотворении злополучного девяносто первого года с многозначительным, по-детски серьёзным названием «Клятва» –

*Никакой и не было державы,
никакой и не было страны.
Только двор, где на верёвке ржавой
вверх ногами дрыгались штаны.*

*Ни морей, ни замков, ни парадов,
только двор с портками на ветру.
Пусть я буду беспримерным гадом,
если за него я не умру!*

«Умереть», слава Богу, Казакевичу не пришлось, но его знаменитые «все десять тысяч одуванчиков» не на шутку, как мы помним, готовы были «голова сложить». И потребность сия была отнюдь и не только художественная. И не только у его «лирического героя». Для многих тогда Ангел-хранитель, «ангел счастья, холода и воли», каким-то непостижимым образом обратился в ангела смерти:

*...Этот ангел, мчавшийся над сушей,
а не Ганс капустный или Билл,
государство удалых избушек
синими глазами разбомбил.*

Стихотворение («На картошку собирались в школе...») написано уже в Японии в девяносто седьмом году. Но и десять лет тому назад эта тема уже нарастала, разворачивалась неким тревожным свитком (хотя бы в тех же «Одуванчиках»). И казалось, ничто уже не помешает этому свитку, как донельзя растянутой пружине, захлоп-

нуться небывалой чёрной дырой (или – если и дальше «говорить красиво» – взорваться некой сверхновой, дотла испепеляющей космические окрестности).

А выход, как всегда, как во все суетные и несуетные времена, был; выход единственный и, слава Богу, традиционный – как «Вечерня в осенней глуши», которая хотя и служила в том же достопамятном девяносто первом году, но ракурс у неё, как видим, совсем иной – возносящий, «восхищающий»:

*Вот стоим мы в церкви: я с женою,
сын со свечкой, тоненькой и пылкой,
и священник возле аналоя
в ризе, что протерлась над затылком.*

*А на небе, на алмазном троне
Бог сидит в сияющих обновах,
смотрит сверху вниз из-под ладони,
видит храмик среди волн сосновых.*

*И, помедлив, сельскую церквушку,
где четыре человека мёрзнут,
будто детства дряхлую игрушку,
поднимает ласково на звёзды.*

Слово «игрушка» с годами становится в поэзии Казакевича ключевым, неким «золотым ключиком», отпирающим волшебную дверь памяти, когда –

*Под вечер в посёлке включают метель,
разводят русалок в алмазных окошках,*

когда –

*Сдвигаются с места равнины, луна,
солдаты атьдвакают, голуби бредят,
раскинулись девки и море вина,
совсем ни к селу Фудзияма видна!
А печка всё едет, и едет, и едет...*

Ах, какая беспроегрешная тема: наш русский Емеля в Японии! Однако и у японцев – сто лет назад – был свой, японский, Емеля (он же наш классический Иван-дурак, он же Буратино, он же «лопух» и олух Царя Небесного, которому «Бог соломки подстилает»), памяти которого ныне воздвигают камни с его стихами. (Правда, со щукой у него не заладилось; он всё больше с маленьким крабом «на песчаном берегу островка в Восточном океане», «не отирая влажных глаз»...) О нём мы упоминали ранее – это Исикава Такубоку, вторая книга которого была издана в 1912 году, уже после его смерти, и называлась она – «Грустная игрушка». Такая же грустная, как у Казакевича в последних (покуда!) двух книгах, изданных в нашей белокаменной – «Ползи, улитка!» (2004 г.) и «Жизнь и приключения беглеца» (2006 г.).

*Когда от жизни в черепках
хочу я слишком многого,
иду проведать черепах
в пруду у замка сёгуна.*

*Сейчас они всплеснут водой
и вытащат из тины
конфеты «Ключик золотой»,
напиток «Буратино».*

Вот Такубоку наверняка откликнулся бы на его призыв «Кто назовёт меня братом?» – в пику некоторым нашим записным патриотам, поспешившим зачислить поэта в «предатели кислых щей». Казакевич мог бы ответить им словами Николая Глазкова: «Я слышал. Спасибо // за все поученья! // Лишь дохлая рыба // плывёт по теченью». Потому что –

*Широко уставясь на горы
и на рисовые поля,
всё равно я вижу над бором
белорусского журавля.*

*Он в камыш идёт на посадку,
успевая пробормотать:
– Я, как видишь, тютючки, братка,
а тебя давно не видать!*

Так что все эти разговоры «в столичном вкусе» о месте пребывания поэта не стоят, в данном случае, выеденного яйца. «И может быть, в эту минуту // меня на турецкий язык // японец какой переводит, // и в самую душу проник», – писал Осип Мандельштам, кости которого покоятся в русской земле на западном берегу Японского моря.

«...Если бы да кабы, да во рту росли грибы», – в русских поговорках силён мотив подтрунивания над столь привычным для нас мечтательно-сослагательным наклонением. Досужая «проблематика местопребывания поэта тела» («Если бы да кабы я в Москве остался...») блестяще обыграл поэт:

*...а лежал бы давно под крестом и кочкой,
и возила б жена для меня цветочки.*

Здесь, под лёгким покровом иронии, скрывается бесконечный философский парадокс, имя которому – «только зеркало зеркалу снится, тишина тишину сторожит» (Анна Ахматова). Здесь же и лермонтовский «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...»), и «бабочка Чжуан-цзы», и «Круги руин» Борхеса, и сфера Паскаля, центр которой находится везде, а окружность – нигде, и великий даосский квадрат, не имеющий углов, и наше родное «на колу мочало», и греческое «все греки лгут», и тютчевская «мысль изреченная есть ложь», и бунинское «поэзия темна, в словах невыразима»...

*...Вижу остовы венков, жухлых лент тряпицы,
знаю даже, что за сон под землёй мне снится:*

*снится мне, будто я не валяюсь в яме,
а в Японии живу в городе Тояме.*

**Владивосток,
30 [17] июля 2007 г.,
великомученицы Маргариты**

Городские зарисовки

Нина ПОЛУПОЛТИННЫХ,
г. Артём,
Приморский край

ДОСТАЛИ

– Вы каким ножом масло намазываете?

– ?

– Это же хлебный нож! Дайте сюда! – и нож полетел в раковину, где уже стояли горкой грязные тарелки, собранные за целый день моими дорогими детьми, пока я была на работе.

У меня уникальная невестка. Создаётся впечатление, что это я невестка, а она – свекровь. Я не выношу ссор и стараюсь их избегать по мере возможности. А эта мера с каждым днём всё увеличивается. Сын терпеливо сносит все её истерики по любому поводу, поэтому в последнее время и я делаю вид, что их не замечаю: себе дороже. Чужая ноша в этой жизни может придавить к земле так, что и белый свет не мил будет. А жить надо. Ради себя – редко. Чаще – ради детей или близких.

На днях, дождавшись, когда мои дети соизволят проснуться и выползти на кухню, я предложила невестке найти домашнее молоко для прикармливания нашего грудничка.

– Можно подумать, он будет есть домашнее молоко! Я его терпеть не могу!

– Но ведь всех детей начинают прикармливать именно домашним молоком и варят на нём каши.

– Слушай, – повернулась невестка к мужу, моему сыну, – ещё слово, и я не буду завтракать!

Кормящую женщину нельзя раздражать, и сын спокойным голосом произнёс:

– Мама, она сама знает, чем кормить, Ребёнок очень любит фруктовое пюре.

– А творог? А овощные супы? Печенье с молоком, наконец, – не выдержала я.

– Всё! – невестка с размаху шлёпнула ложку на стол. – Пусть сама кормит, если такая умная!

Сын попытался вернуть её к столу, загородив собой дорогу в комнату. Невестка легко отодвинула его своим массивным телом, крича с порога:

– Да она меня душой считает!

– Но я же тебе этого не говорила!

И тут невестку понесло:

– Ну да, бабушка хорошая, а мама – дура, бабушка налюбуется с ребёнком, напляшется с ним, а потом он не хочет игрушками сам играть. Всё. Вы меня достали. – Она загремела шкатулками шкафа, переходя почти на визг. – Ухожу к маме. Лучше у мамы буду жить, а с вами – невозможно.

Сын кинулся её успокаивать, но не тут-то было! И сумка с вещами, и ребёнок были уже упакованы.

– Время-то одиннадцать ночи. Куда ты?

– Уйди с дороги, а то я тут всё разнесу! – и она с силой хлопнула дверь перед его носом.

– Ну вот, – простонал сын, – не могла промолчать. Теперь она к матери ушла. Что делать?

– Да куда она денется? Вернётся, как только псих пройдёт. Да не могу я смотреть, как вы младенца консервами кормите. Всегда детей коровьим молоком прикармливали, манную кашку варили.

– И кто тебя просил вмешиваться? – в его глазах стояли слёзы, и я испугалась.

– А вот этого не надо. Не пойдёт же она среди ночи две остановки по городу? А машину-то вы поставили в гараж.

Он засуетился, одеваясь на улицу, но в это время пикнул домофон, и я ушла в свою комнату, откуда услышала, как возвратившаяся невестка кричала:

– Скажи спасибо, что там темно. Завтра всё равно уйду.

Сын что-то говорил ей спокойным голосом, а она возмущалась ещё некоторое время, переходя временами на крик. Растрёженный ребёнок заставил её обратить на себя внимание. Ночной сон был нарушен. Каждый из нас считал себя правым, ворочаясь в своей постели и вздыхая.

МОЛОКО

– Чаю, – потребовал малыш. – Нет, молочко, – передумал он, заметив у матери в руках молочную бутылку. Та уже готовилась допить из неё остатки молока.

– Так чаю или молока? – уточнила мать.

Малыш схватил кружку и нетерпеливо придвинул её поближе к матери.

– Чаю-молока, – произнёс он и замер в ожидании, не отрывая взгляда от молочной бутылочки.

Мать медленно поднесла бутылку к губам и допила молоко, встряхнув пустой бутылкой перед носом малыша, который понял, что его обманули.

– А-а-а-а. Молочка-а-а, – заревел он, схватив пустую кружку.

– Чего орёшь? В холодильнике целая бутылка молока, сейчас принесу.

Крохе не было и двух лет, поэтому речь матери не произвела на него успокаивающего действия, и пустая кружка полетела под стол.

– Это ещё что такое? – строго сказала мать, ставя холодную бутылку с молоком на стол. Но малыш кричал и топал ногой, не воспринимая увещания матери.

– Замолчи, кому говорят? Ты зачем кружку бросил?

Мать полезла под стол, подняла кружку, молча ополоснула её кипятком и налила молока под вопли ребёнка.

– На, пей.

– Холодное, – малыш отодвинул от себя кружку.

– Да я только что кипятка плеснула туда. Пей, не холодное оно, тёплое.

– Горячее, – заупрямился малыш.

– Ты будешь пить молочко?

– Да. Нет, – малыш был сбит с толку и сам уже не знал, что он хочет.

Терпение матери лопнуло.

– Так, – грозно произнесла она, – марш в комнату и никакого молока!

Малыш схватил кружку, сделал судорожный глоток и грохнул кружкой по столу, расплескав молоко.

– А вот за это получишь! – мать шлёпнула малыша и потащила в комнату. Вопли малыша и крики матери ещё некоторое время будоражили соседей, вызывая пересуды.

Люблю, жду...

Александр Евгеньевич родился в 1980 г. в Ленинграде. Окончил Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (факультет социальных наук). Затем – магистратуру по кафедре русской истории РГПУ им. А.И. Герцена. В 2006 году окончил аспирантуру по кафедре российской истории Санкт-Петербургского государственного аграрного университета.

Первая публикация – в 1995 г. Член Союза писателей России с 1997 года.

В настоящее время – сотрудник Администрации губернатора Санкт-Петербурга.

В кармане закурлыкал телефон. Вынув его, Дима прочел сообщение: «Люблю, жду. Приходи, пожалуйста! Я соскучилась». Номер, с которого пришло сообщение, был незнакомый. Несколько мгновений Дима озадаченно вертел телефон в руках. Впрочем, все было понятно: кто-то ошибся номером. Человек, которому адресована любовная весточка, никогда не прочтет этих слов – таких нужных слов, для кого-то, возможно, сейчас не существует ничего важнее этих простых слов «люблю... жду... приходи... соскучилась». Не просто слова, а смысл жизни. В галантный век дамы бросали мужчине свой благоухающий платок с вышитыми инициалами, а теперь пишут «эсэмэски». Дима невольно подхватил на лету этот хранящий тепло женской руки платочек. С легкой грустью он подумал, что нет человека, который прислал бы ему такое сообщение, и не потому, что никто не любил его и не ждал, просто незачем было писать. Дима и без этих сообщений знал, кто и где его ждет. И все-таки стало грустно.

Он сидел за столом в офисе фирмы, где уже три печальных года работал менеджером по продажам. В фирме действовал негласный, но железно исполняемый закон: всем сотрудникам полагалось друг друга ненавидеть. Тихо, без ссор, без подлости ненавидеть... Эта взаимная ненависть именовалась «корпоративной культурой». Дима по городскому телефону набрал номер, с которого пришло сообщение. Долго слушал гудки. Потом вдруг, как вихрь, с дробью дождевых капель и звяканьем шутовских бубенчиков ворвался громкий девичий голос «Алло!», окруженный маскарадным буйством словно бы разноцветных голосов. Там лилось вино цвета крови в высокие кубки, чадно горели свечи в бронзовых подсвечниках, бросая отсветы на сводчатые потолки, напоминающие гортань, и, точно в готическом романе, на каминном ложе потрескивали подернутые лилово-розовым огнем головы, ветер качал на фоне шерстяного неба ветви за стрельчатыми, в узорчатых переплетах окнами. Там было много душистых женских тел. Диме подумалось почему-то, что он позвонил куда-то очень далеко, в далекую страну

или даже на другой континент. Интересно, почему до сих пор писатели-фантасты не сочинили роман про то, как какой-нибудь сентиментальный герой позвонил в прошлое, он бы услышал в своей «мобиле» голоса из минувшего, например из средневековья.

– Ало! Здравствуйте... Я получил ваше сообщение... Люблю, жду... – неуверенно начал Дима, почувствовав, что вспотела ладонь. Он старался говорить так, чтобы коллеги не слышали его.

Он сам не слышал своего голоса из-за пляски и мелькания маскарадных голосов и звуков. Может быть, он и не говорил вовсе, а открывал рот – беззвучно и округло, как рыба. И еще слышались какие-то тяжелые однообразные звуки, словно бежало стадо. Негромкие, а возможно и вовсе произнесенные слова Димы потонули в пронзительном, как крик, девичьем смехе. Смех этот словно бы ударил хлыстом... И все стихло, в телефоне звучали гудки. Связь с далеким континентом оборвалась. Дима вновь набрал номер, но праздничная реальность, на минуту впусившая его в свои пределы, больше не отозвалась, скучной каплей барабанили в ухо гудки.

Вечером он позвонил своему бывшему сокурснику Женьке Ешину, который в студенческие времена считался самым «продвинутым» на их курсе по части компьютеров и телекоммуникационных мудреных штук.

– Здорово, Жек. Помощь твоя нужна. Можешь выяснить, на кого оформлен один «мегафоновский» телефончик?

– Да без проблем... – зевнул в трубку Ешин. – Называй номер.

Дима медленно диктовал магическую формулу телефонного номера и слышал, как Женька щелкает клавиатурой, пытаясь расшифровать этот ряд цифр. Нумерологическая задача была решена минуты за две.

– Готово. Записывай. Крюкова Елена Альбертовна. Паспортные данные ее нужны?

– Нет. А адрес?

– Пожалуйста, записывай...

«Пусть и по ошибке, но пригласила она меня. А не

кого-то другого...» – подумал он. Адрес он записал на листке старого календаря. И сейчас заметил, что его торопливые каракули легли поверх выцветших розоватых букв «День мелиоратора».

На следующий день, посидев на работе до полудня, Дима сказал начальнику отдела, что у него переговоры с потенциальным покупателем крупной партии металлопроката, и выбежал из офиса... Его томило ощущение, будто он спешит, но все равно безнадежно опаздывает. Улица, куда Дима приехал, хотя и находилась почти в центре города, но выглядела захолустной – узенькая и темная, с обшарпанными домами, стены которых были испещрены трещинами, с зияющими в мостовой провалами, заполненными мусором. Дима не смог припомнить, бывал ли он здесь когда-нибудь. Эта сумрачная часть Питера издавна называлась «Пески», и в представлении Димы она всегда была связана с чем-то зыбучим, бесформенным и пустынным... Место, где незримым песком заметает все приметы времени. Улица, по которой Дима шел, скользя взглядом по ржавым табличкам с номерами домов, была ему неприятна, вызывала брезгливое чувство, которое пробуждает одетый в вонючие лохмотья нищий. Под аркой нужного дома стояли обгорелые мусорные баки... Пахло гнилью и грибами, как в лесу. Дима переступил через безголовую куклу. Очевидно, этот двор бомжи облюбовали для пикника, о чем свидетельствовали пустая бутылка водки с пластиковыми стаканчиками, размокшая пачка «Беломора» и брошенные на промасленной газете селедочные хвосты. Хотелось этот «натюрморт» сфотографировать и в рамочку вставить, назвать, например, «Всюду жизнь».

Дима вошел в темный подъезд, как в пещеру. Поднимаясь на третий этаж, поскользнулся на картофельных очистках, которые кто-то не донес до мусорного бака. «А если ее нет дома?» – подумал Дима, нажимая кнопку звонка. Он не успел ответить на собственный вопрос... Из голубоватого, словно бы туманного, полумрака квартиры, в которой голос по радио декламировал что-то из шедевров соцреализма, вышла маленькая старуха с красной косынкой на голове. Она напомнила Диме постаревшую комсомолку с какого-то солнечного плаката времен первых пятилеток. Глаза у нее были карие, грустные и крупные, как у коровы. На руках она держала пекинеса, который вытянул мордочку в сторону Димы и нюхал воздух.

– Мне нужна... – Дима на мгновение замялся, – нужна Крюкова Елена... Она здесь живет?

– Здесь, – ответила старуха, – это я.

– Что? Как – вы? Не может быть... – от неожиданности Дима даже попятился. Он поднял глаза, посмотрел на номер квартиры. Все было правильно, он не ошибся адресом.

– Я это, я! – смотря на гостя непонимающим взглядом, заверила его старуха, – Крюкова Елена Альбертовна. А вы кто, молодой человек?

– Да я просто... Просто ошибся.

– Ничего не понимаю... Вы же меня искали... Имя мое знаете! Так говорите, зачем пришли!..

– Я не вас искал... – сказал Дима, понимая, что не сможет объяснить старухе, зачем он пришел сюда. Нужно было уходить, но нельзя же теперь просто вернуться и побежать вниз по лестнице, нельзя... Но и соврать было невозможно. Вернее, может быть, и был какой-то выход из глупого положения, но Дима не мог его придумать, от оторопи он словно вообще лишился способности размышлять. Видимо, Женька Ешин что-то напутал в своей «базе данных». И не зря нумерология считается лженаукой – Я искал... одну девушку... Просто ее зовут так же, как вас!.. Тоже Крюкова, но это не вы... Извините, я пойду... – он уже сделал шаг по направлению к лестнице, но старуха окликнула его, в голосе ее звенела тревога:

– Молодой человек! Вы что, от Гриши?.. У него что, случилось что-то, да?.. От него давно писем нет. И звонить оттуда возможности нет. А я не могу туда к нему поехать, болею, да и денег нет... Мне дадут свидание, но не доехать мне, поймите... – она словно бы оправдывалась перед Димой. – Вы – оттуда, от Гриши, что-то передать мне хотели? Я же чувствую недоброе...

– Нет, я ни от кого, сам по себе...

– Да? А я смотрю, бритый, худой. Слово бы – оттуда. От Гриши, с Урала... – огромные глаза ее увлажнились, морщинистой синеватой рукой она быстро провела по векам.

Дима машинально погладил ладонью бритую голову. Господи, неужели и впрямь на зека похож?.. «Словно бы – оттуда». Диму передернуло, точно от озноба. Он подумал, что любой нормальный человек сейчас почувствовал бы жалость к старухе. Но для этого нужно быть «нормальным человеком». В наступившей тишине голос по радио сказал: «Каждый третий немец страдает от ночных кошмаров...» Пекинес забеспокоился, принялся запыленно бить передними лапками по обнимающей его руке.

– Не скрывайте от меня, пожалуйста. Если случилось что, говорите прямо.

– Скажите... А у вас нет мобильного телефона? – спросил Дима.

– Что? Мобильного... нету... Зачем он мне? Так вы позвонить хотите? Пожалуйста, вот телефон тут, в прихожей. Звоните... – сказала она, мелко дергая иссохшими губами.

Посмотрев по направлению ее жеста, Дима увидел стоявший в прихожей телефонный аппарат с черным эбонитовым корпусом – уже почти музейный экспонат.

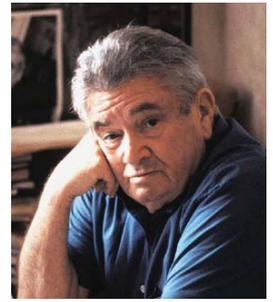
– Спасибо, спасибо вам, Елена Альбертовна... Не нужно... Будьте здоровы и извините меня...

И он стал спускаться вниз по лестнице. Стукнул кулаком по гнутым перилам, и те загудели, точно органические трубы, вознося звук вверх в гулкое пространство.

Листок календаря, отмеченный «днем мелиоратора», Дима смял в кулаке. Остановившись посреди улицы, посреди зыбучих песков облюбованного бомжами квартала, он подумал: «Хорошо бы узнать, за что Гриша Крюков отбывает наказание...» В заднем кармане брюк ожил телефон: трубили охотничьи рога.

А ВЕДЬ СОБАКИ КУСАЮТСЯ!

Евгений ВЕСНИК

Чрезмерно нежные чувства к собачкам и обезьянкам – свидетельство того, что заложенные в нас потребности любить, не находя естественного выхода, создают, лишь бы не прозябать в праздности, привязанности вымышленные и вздорные.

Плутарх

В книге «Из архивов печати», посвященной выдающемуся человеку, писателю и гражданину Михаилу Михайловичу Зощенко, я прочел маленький рассказик «Еще не так страшно», написанный им в период между 1922 и 1930 годами:

«На станции «Мурманск» развелось множество диких собак. Собаки эти стаями бродят по городу и пожирают при этом массу домашней птицы и мелкого скота у железнодорожников, так и у городских жителей».

Корреспондент, написавший это, сильно побаивался, как бы дикие собаки «не слопали бы мурманскую городскую администрацию», которая не принимает мер к уничтожению собак.

Обеспокоенная возможностью гибели мурманской администрации, газета «Дрезина» тотчас выслала своего сотрудника в Мурманск. Оказывается – слухи явно преувеличены. Спрошенные нашим сотрудником дикие собаки в один голос заявили, что в ближайшее время они не предполагают лопать администрацию, так как съестных продуктов пока достаточно. Может быть, к осени слопают одного администратора. И то не наверно. Но кого слопают персонально, нашему сотруднику не удалось выяснить.

Эта миниатюра вызвала во мне множество ассоциаций, подтолкнувших сесть за письменный стол, чтобы, восстановив в памяти недавнее пребывание в одном из подмосковных Домов творчества, попробовать написать тоже миниатюрку и тоже на собачью тему (конечно, пытаюсь подражать великому Маэстро).

Согласно путевке поселяюсь в чудесном номере, где все располагало к размышлениям. И по поводу кошмаров городской жизни; и по поводу причин стремительно «чахнувших» лучших качеств человека – доброты, способности сопереживать, сочувствовать, быть внимательными друг к другу; и по поводу того, что люди стали привыкать к убийствам, жестокости, лжи везде и повсюду; и по поводу того, что среди человека увеличивается количество фарисеев, эгоистов, характер которых проявляется и в их отношении к животным.

Первое впечатление от Дома творчества – уйма по всей территории, и особенно у столовой, собак-попрошак, которые сопровождают тебя всюду в ожидании подачки... (Но ведь только человек виноват в том, что по всей России бродят бездомные собаки, сбивающиеся в стаи и способные напасть на «венец природы».)

Итак, в «обществе» собак Дома творчества выделялись две наиболее «разумные», которые не гнушались тем, чтобы отведать блюдо под названием «гомо сапиенс». Творческие работники нервничали, с опаской посещали столовую, но их все-таки «дегустировали». Пусть не постоянно, а через день, в лучшем случае – раза два в неделю...

Укушенных пичкали уколами от бешенства, иногда даже и тех, кто был очень «внимателен» к этим собачьим бомжам и ругал всех, кто не «сюсюкался» с ними: «Ах ты, моя красавица!», «Ах ты, моя хорошая!», «Ах ты, моя умница!».

При этом такие защитники «красивых», «хороших», «умниц», ничего не делают, чтобы освободить их от блох, ран, гноя в глазах, никто из этих сердобольных «влюбленных» в несчастных собак не взял ни одну из них в дом. Наоборот, всячески охраняют своих болонок, такс, фоксов и прочих «интеллигентов» от общения с этими потрясающе сообразительными собачьими бомжами... Фарисейство людское неистребимо!

Симпатичный молодой мастер художественного пера, инженер человеческих душ постоянно носил с собой баллончик, газ которого при надобности используется в случае нападения хулиганов, бандитов. Но на территории Дома творчества баллончик предназначался для того, чтобы молодой маэстро мог защитить свои штаны, икры, другие части тела художника от четвероногих «красавиц» и «умниц».

Директора Дома творчества собаки не кусали – признавали в нем своего начальника! Он обещал всем укушенным «предпринять меры», и все верили в то, что он «предпримет меры». Но никто не знал, какие именно он «предпримет меры», и все «отдыханцы», окруженные «милыми умницами», только удивлялись тому, что директор никаких не «предпринимает мер»... А собачки – «ах вы, мои хорошие» – кусались, кусались...

Я подумал о том, что кусачая деятельность «ах, милых моих» способна значительно сократить, скажем, количество литературных произведений... Укушенный писатель мог пренебречь медицинской помощью и на ближайших, всегда горячих собраниях своих коллег начать кусать «инженеров человеческих душ». А те, в свою очередь, начнут рычать и бросаться на домашних человек и животных, и, если в семье кусающегося есть собака, между ними могут возникнуть очень неожиданные взаимоотношения.

Вариант первый. Собака может приветствовать писателя как превратившегося в своего родича.

Вариант второй. Собака может ополчиться на кусачего и рычащего бывшего хозяина и охранять от него остальных членов семьи, не потерявших человеческий облик.

Вариант третий. Если домашняя собака – кобель, он на

почве ревности может уйти из дому: может понять поведение хозяина как желание взять на себя его кобелиные функции по охране дома.

Вариант четвертый. На почве ревности кобель может загрызть своего особачившегося хозяина, что, кстати, в наше цивилизованное время происходит довольно часто.

Вариант пятый. Собака может не подпускать рычащего хозяина к местам хранения ее специального питания, так как поймет, что преобразившийся человек не станет больше интересоваться продуктами питания, предназначенными для двуногих «вертикалов»...

Один мастер пера, еще не укушенный, прочел мне свою заметку для журнала «Крокодил»:

«Быть может, есть смысл отдать Дом творчества собакам, оставив для них кухню, повара и официантов, медпункт, киноэкранны, охрану и бухгалтерию. Быть может, есть смысл директора временно перевести на другую работу, пока работники Министерства просвещения и кто-нибудь из наших или закордонных дрессировщиков не добьётся того, чтобы «милые, хорошие и любимые» научились сидеть за столом, есть с помощью вилок и ножей, спать в постелях разных номеров, предоставляемых кобелям и сучкам в зависимости от их породы, интерьера, начитанности и манер поведения... Когда же они, «милые красавицы и красавцы», научатся писать – ударение на букве «а», а не на «и», – вот тогда можно будет вернуть директора, чтобы он оберегал собак от людей».

Заметка мне понравилась тем, что она очень добрая и защищает права «очаровательных, милых и хороших».

Одна весьма респектабельная дама в несколько более чем среднем возрасте набросилась на меня чуть ли не с кулаками за то, что я посоветовал директору раздать собачек-бомжей таким, как она, сердобольным, чтобы они забрали их с собой, или попросить какие-нибудь другие организации освободить творческих работников от необходимости носить с собой антипсинные газовые баллончики... Дама, которая чуть ли не врукопашную ринулась на меня, да так рьяно, что набок сполз ее блондинистый парик, вдруг даже заплакала – то ли от моих предложений, основанных на международной практике в деле взаимоотношений с дикими собаками, то ли от того, что оголились редкие седоватые волосочки... Она была так активна, что собачки, которых она только что угощала недоеденным ради них обедом, стали лаять на нее... Пораженная «предательством» «милых, ах вы, холосеньких», она ретировалась в свой номер, где взаперти безвылазно сидела и ждала ее покорная такса...

В последние дни моего пребывания в Доме творчества (я уехал оттуда на двенадцать дней раньше окончания положенных мне по путевке двадцати четырех – из-за того, что не очень люблю уколы) я не встречал седую даму с блондинистым париком ни на аллеях парка, ни в столовой. Потому спросил: «А где моя боевая подруга?» Оказалось, что ее серьезно покусала собака и даму увезла «скорая». Перед отъездом она кричала: «Безобразия! Развели здесь черт знает что! Диких собак надо отравить! Куда директор смотрит?! Пусть он всех собак возьмет к себе домой!»

Я робко спросил: «А может, это у нее был припадок бешенства?»

То, что собаки иной раз обладают совестью в большей

мере, чем люди, знают не все, а многие в этом просто сомневаются.

Рассказ английского писателя Самуэля Смайлса (1816-1903):

«Однажды в темную ночь сторожевая собака, выбежав из будки, вцепилась зубами в проходившую мимо старуху, и, когда та закричала, с ужасом отскочила. Очевидно, она узнала в ней по голосу ту старуху, которая обыкновенно кормила ее. Если бы она могла говорить, то, наверное, воскликнула бы в отчаянии: «Какое я злое и неблагодарное животное! Укусить ту, которая всегда ласкала и кормила меня!» И собака была настолько пристыжена своим поступком, что целых три дня не выходила из своей конуры, даже когда ее звали есть, пока наконец старуха не помирилась с собакою. Это привело последнюю в восторг, так что она осыпала своего старого друга бесчисленными выражениями любви и признательности».

И снова Самуэль Смайлс: «Из всего видно, что в животных отражаются многие человеческие качества... Мы являемся в глазах собаки каким-то высшим существом, которое она считает за Божия наместника, уполномоченного принимать от нея поклонение, любовь и преданность, а потому и сами мы должны быть ее верными защитниками и покровителями».

Вальтер Скотт (1771-1832) рассказывает в своем «Дневнике» о собаке, спасшей своего хозяина во время пожара: «Лорд Форб проснулся однажды в своем горевшем замке, полузадушенный дымом, с уже слабыми признаками жизни. Уже комната его была полна огня и дыма, когда его огромная собака вскочила к нему на постель и, схватив его за рубашку, вытащила на лестницу, на свежий воздух, где лорд пришел в себя и поспешил спастись».

Удивительное создание встретилось мне в деревне Лобаново Островского района Костромской области. Деревня расположена метрах в восьмистах от Дома творчества «Щельково» (бывшего поместья А.Н.Островского.) Как-то из подворотни выскочила маленькая, взлохмаченная, со злым выражением глаз-пуговок собачонка и стала что есть мочи меня облаивать, пытаясь ухватиться зубками за штанину. Я, отбиваясь как мог, сумел вытащить из пакета еще не остывшую сосиску и кусочек хлебца с маслом и бросил это лакомство прямо перед носом собачки. Не долго думая, «зверь» весом граммов на триста схватил гостинчик, буквально проглотил его и снова набросился на меня с еще большим остервенением. Из дома вышла пожилая женщина, прикрикнула на собачонку, и та, зло оглядываясь на меня и облизываясь, поджав хвостик, ушла за дом, оставив меня в покое.

Прошла неделя. Иду я на рыбалку, и снова через деревню Лобаново. Неожиданно передо мной появилась та же собачечка-скандалистка и... виляя хвостиком, попискивая и часто валясь на бок, а затем вскакивая на ноги, не просила – я это чувствовал и видел по выражению глазенок, а извинялась. Я ответил ей ласковыми словами, потрел ее волосики на хрупком тельце и продолжил свой путь к реке.. Собачка не покидала меня ни на секунду, все время виляя хвостом, и провела рядом со мной все время моей рыбалки – до глубоких сумерек. Возвращался я в Дом творчества опять же через деревню, где жила собачка, но она проводила меня до Щельково и лишь по моей просьбе: «Иди, пожалуйста, домой! Домой!» – потихонечку поплелась обратно.

Автор теле-петербургских

Александр ЕГОРОВ,
г. Владивосток

ТАЙН

Смею утверждать: самая загадочная и колоритная фигура русской литературы второй половины XIX века. Всеволод Владимирович Крестовский прожил удивительную жизнь, полную таинственных поворотов, сопряжённую с многими опасностями, самыми неожиданными и неординарными ходами: от полусгнивших подвальных притонов – до самых изысканных салонов высшего света Петербурга.

Поэт, прожигатель жизни, бретёр и сердцеед, знающий ходы в самые блестящие салоны и низменные притоны Санкт-Петербурга. Он же – блестящий публицист, редактор, убежденный монархист, кавалерист, переводчик с многих языков, серьезный исследователь, разведчик, историограф, чиновник для особых поручений Министерства внутренних дел, путешественник и, наконец, яркий романист, внесший весомый вклад в историю русской литературы.

Автор «Петербургских трущоб» /книга о сытых и голодных/ – Крестовский родился 23 февраля 1840 года в дворянской семье Киевской губернии. Отец служил комиссаром в военном госпитале. Воспитанием и домашним образованием мальчика занималась мать – Мария Осиповна Товбич. В десять лет мальчика отдают в 1-ю Санкт-Петербургскую гимназию, где на него обращает внимание известный педагог В. И. Водовозов и помогает гимназисту с первыми публикациями оригинальных стихов, а затем и серьезных переводов из Гейне и Горация.

Собственные стихи (чаще всего подражательного или эротического характера) для читающей публики и критики прошли не замеченными. Студенческая жизнь и даже дружба с товарищем по студенческой скамье – Д.И.Писаревым не приносили морального удовлетворения. В пореформенные годы Некрасов и Чернышевский – бесспорные властители дум передовой молодёжи – и, естественно, молодой человек ищет с ними знакомства. Обращается Крестовский и к социальным проблемам общества, сближается с передовой молодёжью, не обходит стороной народное горе, всерьёз занимается социальными науками. В 1860 году в среде революционной молодёжи стало широко известным его стихотворение «Париж, июль 1848». Его поэтический настрой и житейский запал были столь велики, что позволили в двадцать один год жениться, а через год стать отцом и издать двухтомник «Стихи» (1862 г.). Но деятельная натура Крестовского не выдерживает рутинного образования. Так, едва закончив два курса историко-филологического факультета, оставляет учёбу.

Вскоре он появляется в бушующем польско-литовском крае, пребывание в котором навсегда оставит во всём его творчестве (фабула, герои, социальные типы, язык) неизгладимый след, одновременно переводя его мировоззрение на охранительные позиции. Однако, отдавая дань увлечению социальному переустройству мира, пишет известный роман «Петербургские трущобы» (1864–1867 гг.). То, что роман был опубликован в лучшем на ту пору журнале «Современник», руководимом Н. Некрасовым, говорит о многом. Автор в промежутках работы над прославленным романом успевает написать книгу очерков, статей и зарисовок «Петербургские

типы» (1865 г.). Скандальное бытописание «отбросов общества», емкость и самобытность характеров, акцентирование национальностей героев – все это шокировало читающую публику и в последующие годы надолго приковало внимание к имени молодого и талантливого автора. Первопроходцем и основоположником темы униженных и забытых обществом людей, бытующих на социальном дне больших столиц мира, был Эжен Сю, и, разумеется, Крестовский не был свободен от подражания «Парижским тайнам», но успех его «Петербургских трущоб» также послужил подражанием. Вскоре появились «Киевские трущобы».

В 1868 году новый поворот. Крестовский становится юнкером Ямбургского полка, служит с удовольствием и превосходно аттестуется начальством. Следующие 6 лет он занимается историей полка, которая, надо полагать, была написана блестяще, так как была отмечена на самом высоком уровне. По личному желанию императора Александра II в 1874 году Крестовский переводится в гвардию для написания истории Лейб-гвардии Его Императорского Величества Уланского полка. Отдельные фрагменты этой работы войдут в четырёхтомную «Историю русской армии» военного историка Антона Антоновича Керсновского. Благодаря исключительной работоспособности (параллельно с работой над историей полка), в эти же годы создаются произведения: «Деды» (исторические картины из эпохи Павла I) и дилогия «Кровавый пух», включающая романы «Панургово стадо» и «Две силы» с подзаголовком, «Хроника о новом смутном времени Российского государства» и роман «Вне закона», свидетельствующие о нарастании революционной ситуации в обществе, в частности – укоренении свободных взглядов среди студенчества, когда нигилизм становится не столько основным катехизисом передовой молодёжи, сколько модным и столь же опасным поветрием. Впервые в лексикон вводится слово «космополит», а сами нигилисты приравниваются к панургову стаду. Кстати, именно в эти же годы, заглянув в революционную бездну, сделают переход в «реакционный стан» замечательные русские писатели Николай Лесков и Федор Достоевский. Насколько интересной и животрепещущей темой был насыщен его роман «Панургово стадо», говорит тот факт, что в 1870 г. он был издан в Лейпциге.

Антинигилистическая направленность творчества Крестовского, талант историка, сочность языка и публицистический темперамент были замечены при дворе. Русско-турецкую кампанию 1877–1878 годов он встречает в качестве историографа при Главнокомандующем русскими войсками Великом князе Николае Николаевиче. Читающая публика обеих столиц с огромным нетерпением ждёт его военных корреспонденций, которые вскоре, в угоду патриотическим настроениям общества,

будут изданы отдельной книгой. В ней достойно найдут отображение успехи русского оружия при Систове, кровопролитном штурме Плевны, мужественном стоянии на Шипке, братской помощи болгарских ополченцев русской армии и русской армии ополченцам. Все это будет динамично отражено в батальных очерках, а сам он, ретроспективно, мог бы претендовать на звание первого военного репортёра новой истории, более чем на четверть века предвосхитив репортажи Джека Лондона и Петра Краснова с театра военных действий на Ляодунском полуострове в русско-японскую войну 1904–1905 гг. Кроме того, Крестовский заявил о себе как один из трезвых финансовых аналитиков, обративших внимание правительства на прямую связь между началом войны, её ходом и никчемным результатом; заинтересованностью в этой войне компрадорских финансовых кругов, их тесных связей с австрийскими и германскими банками, исчезновением многомиллионных кредитов подрядчиков, поспособствовавших пирровой победе русской армии, выразившейся в 200-тысячной потере убитыми, но более того – ранеными.

С огромным интересом принятый в высшем свете и при дворе, в ущерб семейным, творческим и личным делам, Крестовский недолго задерживается в столице. В течение следующих 1880–1881 годов он, прикомандированный к штабу адмирала С. С. Лесовского, исполняет обязанности секретаря Тихоокеанской флотилии, совершает кругосветное плавание к берегам Индонезии (с целью отыскания места для базирования российского флота), а затем к берегам Японии. На полгода задерживается там для изучения быта и нравов этой замечательной страны, интуитивно предощущая грядущие трения русско-японских отношений. Но и в обстановке экзотики он не был праздным наблюдателем, а трудился: все замечал, записывал, анализировал. В результате в столицу империи пошла его обстоятельная записка о политическом, социальном и экономическом положении Страны восходящего солнца, о националистическом и шовинистическом отношении японцев к результатам мирного договора, заключенного в Петербурге в 1875 году; о царившем подъеме во всех сферах культурной и хозяйственной жизни страны, явившемся результатом революции (или реставрации) «Мэйдзи», об опасности прямой военной угрозы владениям империи на Дальнем Востоке. Кроме этой записки, им были направлены предложения, как нынче принято говорить, по комплексному освоению, хозяйственному обустройству и развитию Южно-Уссурийского края. Анализ этот к началу русско-японских противоречий XX века, к сожалению, правительством совершенно был забыт.

И всё же. Выдающиеся способности Крестовского были замечены правительством, в 1882 году он прикомандировывается к свите прославленного генерала М.Г.Черняева, покорителя Ташкента, бывшего к тому времени генерал-губернатором Туркестанского края. Должность чиновника для особых поручений (а что это за должность в условиях Азии – можно легко догадаться!) позволила ему выполнить ряд важных дипломатических поручений при дворе бухарского эмира, вследствие чего русский читатель в 1887 году познакомился с интересным очерком «В гостях у эмира бухарского». К его

чести, описывая бесправное положение евреев Бухары, называет их истинно «русской партией», на протяжении многих веков изнывающей под игом мусульманских законов, хоть и в меркантильных целях, но тайно давно ожидающей прихода русских войск.

После службы в Туркестане он, выполняя ряд важных поручений Министерства внутренних дел, совершит поездки по Тверской, Владимирской и Тамбовской губерниям и ряду мест Закавказья. Это впоследствии обернется многочисленными кадровыми перестановками. Наряду с государственной службой, плодотворно сотрудничает с газетой «Свет» и журналом «Гражданин». Только с 1884 по 1892 г. им было опубликовано свыше 200 статей, заметок и корреспонденций. Кроме того, в это же самое время, по просьбе родственников покойного писателя Б. Маркевича, дописывает его трилогию: «Четверть века назад», «Бездна», «Перелом» и, подытоживая труды писателя, пишет к этим романам «Послесловие». В 1892 году выходят интересные «Очерки кавалерийской жизни».

Претендуя на подлинность отображаемой действительности, Крестовский в своих произведениях создает своеобразную картину общественных явлений и событий, тем самым сознательно переходит на охранительные позиции и идеи булгаринского «Ивана Выжигина». А с написанием и опубликованием в 1888 году романа «Тьма египетская», а затем романов «Тамара Бендавид» (1889–1990 гг.) и «Торжество Ваала» (1891–1892 гг.), автор приходит к выводам, что все беды и пороки общества привносимы извне, некими тёмными силами. После публикации в 1881 году первых глав «Тьмы...» по югу России (правда, совпавшая с убийством Александра II) прокатилась мощная волна антиеврейских погромов, вынудившая редактора «Русского вестника» М. Каткова (из гуманных соображений) принять решение о приостановлении публикации. Темпераментная, но субъективная оценка происходящих глубинных процессов в обществе окончательно и бесповоротно уводит его в лагерь антисемитизма, на долгие годы даёт обоснование геополитической доктрине в русской литературе на «еврейский вопрос», станет постоянной доминантой всего его литературного творчества и фундаментом гражданской позиции.

В 1892 году Крестовский становится редактором «Варшавского дневника». Но сказывается многолетняя напряжённая работа, бесконечная бивуачная жизнь. Здоровье замечательного русского писателя окончательно подорвано. На 56 году жизни – 30 января 1895 года – Всеволод Владимирович Крестовский ушел в лучший из миров. Тело его за казённый счёт было доставлено в Санкт-Петербург и похоронено в Александро-Невской лавре. Вскоре после смерти, в 1899–1900 гг. в Санкт-Петербурге вышел его 8-томник, а вскоре и второе 9-томное издание. Кроме того, в литературе продолжала работать родная дочь – Мария Всеволодовна, оставившая после себя 4-томное творческое наследие, в том числе романы «Ранние грозы» и «Артистка».

Насколько удивительной и разнообразной была вся его жизнь, настолько талантливый автор был монотонен и навязчив в своих произведениях, темой которых, в основном, были злокозненные деяния малых народов. Но это уже требует отдельного и основательного разговора.

Ась

Ирина МЕЛЬНИКОВА,
г. Екатеринбург

Dimidium animae meae*

После смерти супруги прошло несколько месяцев, и он уже перестал, забывшись, звать её, как звал раньше: коротко, сокращённым именем – Ась. Прожив вместе более полувека, она много значила для него в жизни. Особенно в последние годы. Он давно не выходил из дома, ссылаясь на нездоровье. Она жалела его и была терпеливой, даже когда он просто капризничал. Все заботы о себе-любимом были возложены им на хрупкие плечи Ась, которая вместе с повседневными домашними делами выполняла ещё массу его пожеланий. Читала статьи в газетах – ведь он плохо видел, а очки игнорировал. Чётко проговаривала и повторяла слова гостей или новостных программ – ведь он после военной контузии плохо слышал, а обзавестись слуховым аппаратом принципиально отказывался. И этому не было конца...

Теперь за ним ухаживала младшая дочь и внучка-студентка с красивым именем Александра. Днём, хорошо выспавшись, старик заботился о себе сам: разогревал приготовленную дочью с вечера еду и кипятил чай, а вечером, поглядывая в окна, дожидался дорогих женщин.

То время, когда он оставался дома один, было занято размышлениями о жизни. Иногда он думал и о смерти. Думал о ней не грустно, не тяжело, но всегда связывая её с Ась. Он размышлял о смерти как о барьере, который разделяет его с женой. Когда о смерти не думалось, голова его была занята воспоминаниями, но не всеми, а самыми яркими из них...

...Золотую свадьбу гуляли весело и шумно. С фатой у неё и цветком на лацкане пиджака – у него. Он, конечно, мог бы надеть другой пиджак, победный, на котором были в несколько рядов закреплены все его фронтовые и юбилейные награды. Но в этот раз он решил нарядиться в другой и порадовать супругу романтическим жестом: самолично прикрепил к лацкану белую хризантему из букета, принесённого первым гостем. Фату для себя она заранее не готовила и даже в день торжества ей не пришла бы в голову подобная мысль. Фату принёс кто-то из гостей и, в качестве сюрприза, достал её уже в процессе празднования. Она была против подобной «экипировки», но, увидев блестящие и восторженные глаза своих близких, сопротивляться не стала.

– Это ведь всего на несколько минут, – подумала она.
– А сколько всем радости!

Коротенькая, до плеч, из матового капрона, окантованная серебристыми фестонами и собранная на

тоненький рулик сверху, фата стала необычным дополнением к стриженным седым волосам. Он обнял её за талию, и взгляды их встретились: они одновременно вспомнили события 50-летней давности. 1944 год. Война. И, несмотря ни на что, – Любовь. Тогда у них не было ни свадьбы, ни фаты и ни малейшего представления о том, будут ли они живы завтра, будет ли когда-нибудь годовщина и, тем более, золотая...

Больше всех бабушкиному перевоплощению радовались младшие внуки. Усадив виновников торжества на диван, они окружили их со всех сторон, и старший из внуков, сам уже ставший отцом, сделал несколько снимков на память. А самый маленький гость – 2-х летний правнук с удивлением смотрел на бабушку, пытаясь понять перемены в её облике.

Когда на фату стали обращать внимания меньше, она тихонечко вышла в соседнюю комнату и долго смотрела на себя в зеркало. Она не жалела так быстро промелькнувших лет, не вспоминала о пережитых трудностях. Просто смотрела и пыталась представить, как выглядела бы она в фате и белом свадебном платье тогда, 50 лет назад. Если бы не война. Если бы...

Она медленно сняла белоснежное воздушное украшение и неспешно поправила причёску, старательно уложенную утром. Посмотрев на лежащую возле зеркала фату, снова перевела взгляд на своё отражение:

– Какое чудовищное несоответствие двух вещей – фаты и седых волос...

Постояв ещё немного у зеркала, она повернулась к выходу. Он стоял у двери и с улыбкой смотрел на неё. Будто прочитав мысли Ась, он обнял её за плечи и произнёс:

– С фатой или без фаты, была свадьба или нет, какая теперь разница. Не жалею ни о чём. Мы прожили вместе долгую и не самую бесполезную жизнь. А седина, она тебе идёт! Ты у меня самая красивая!

Между тем празднование продолжалось. Поздравления чередовались с тостами. Дети один за другим говорили своим родителям тёплые слова и вручали подарки, внуки пели песни, и всем было очень весело. Потом включили музыкальный центр и все пели, подхватывая знакомые мелодии. Но вот когда зазвучала песня «Плот» в исполнении Юрия Лозы, ему взгрустнулось. Он слушал молча, с полуулыбкой. Она, расчувствовавшись и ещё не дослушав песню до конца, тихонько смахнула набежавшие вдруг слезинки. Он, заметив, погладил её по плечу. Уж очень серьёзная была песня и как-то не очень подходила к обстанов-

ке всеобщего веселья. В целом-то всё было хорошо. Самые дорогие люди – жена, его Ась, дети, внуки и даже малыш-правнук – были рядом. И пусть больше половины из того, что говорилось за столом, он не расслышал, супруга ему потом всё не раз повторит. Что-то вспомнит сразу, что-то по прошествии времени...

Они вместе уже столько лет – целую жизнь. И 12-летняя разница в возрасте ничего не меняла. За годы совместной жизни они стали единым целым и уже не представляли существования друг без друга. Хотя иногда подзадоривали один другого, когда речь заходила о продолжительности их жизни. Эта тема никогда не обсуждалась всерьёз. Он как-то спрогнозировал, что доживать век будет в одиночестве.

– Почему это? Ты старше, а умирать я должна вперёд? Нет, я переживу тебя ровно на 12 лет. На те 12 лет, на которые ты меня старше! – с лукавой улыбкой и смешинкой в голосе сказала она.

Он, чтобы дело не дошло до спора, решил смягчить обстановку:

– Ладно, мы умрём в один день.

– Нет уж, нет уж, – не сдавалась супруга и, так же шутя, взяла его за руку и потянула с дивана, в сторону кухни, чаёвничать.

Они оба уже давно были на пенсии. Дети жили своими семьями и растили детей. Наезжали по выходным, по праздникам, и тогда родительский дом снова наполнялся звонкими детскими голосами.

Он привык к тому, что жена была всем в его жизни и всей его жизнью. Она же не представляла себе другой судьбы и с готовностью помочь возникала перед ним тотчас же, стоило ему только позвать: «Ась!»

Шли год за годом. Золотая свадьба, чудесные дни молодости были далеко в прошлом. Болезнь скрутила её в полгода. Последний месяц своей жизни она провела в больнице, где и умерла. Ему сообщили о её смерти вечером того же дня. Он сидел на постели молча, опершись локтями о колени и опустив голову. Казалось, что он не расслышал горького сообщения или не осознавал случившегося. Потом всё-таки встал, подошёл к окну и тихо, не оборачиваясь, спросил:

– Как же?

Сын ответил, что это был очередной сердечный приступ и спасти её не удалось.

Прошли похороны. Прошло 9 дней. Потом – 40...

Ещё некоторое время он, забывшись, звал в пустоту: «Ась!»

Потом он отвык звать её вслух, ожидая встречи с дорогим человеком.

Не прошло и трёх лет...

* **Dimidium animae meae** (лат.) – половина моей души

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

Сон о Боге

Из сборника «Спаси и сохрани».

М., «Ковчег», 2006

Во время войны трудно было представить, когда она кончится. И все же были те, кому по милости Божией это было открыто задолго до Дня Победы. Вспоминает Николай Павлович Воронов: «Я работал тогда подростком на металлургическом заводе в городе Магнитогорске Челябинской области. Ранней зимой 1943 года снится мне сон, как будто еду я на утреннюю смену и выпрыгнул из трамвая в колодках. Колодки – это подошва из липы, а сверху материя какая-то бумажная. И мы бежим по площади. Метет косой снег.

Через площадь бежит старик. Тончайший, высокий, поступь совсем невесомая. На нем облачно-легкая одежда типа халата. Ветром и снегом сносило вбок его бороду. Я внутри себя спросил: «Кто это?». Мне пришел ответ: «Это Бог». Я устремился за ним. За поворотом комбинатовской гостиницы бегу и вижу: на темном асфальте что-то написано. Я остановился и прочел: «9 мая 1945 года». «Что это?» — опять как бы спрашиваю в себе самом. И слышу: «В этот день кончится война».

По дороге на смену я забежал к дружку своему Борису Игнатьеву. Он вел дневник. И, когда 9 мая 1945 года вышел из проходной, увидел ребят, которые плясали на площади, бацали своими колодками. Борис жил неподалеку от проходной, и мы пошли к нему. Я увидел на стенде газету, где был портрет Сталина и объявлялось об окончании войны. Сверху, со второго этажа, сбежала мать Бориса и закричала: «Борис, нас обокрали!». Я испугался, что тетради с дневниками тоже могли украсть. Ведь тогда бумаги не было. Но нет, тетради оказались на месте, и мы нашли запись 1943 года. Там было написано: 9 мая 1945 года.

Мне и моим друзьям «Литературный меридиан» нравится – культурная газета.

Интересно читать статьи, путевые заметки авторов, поучителен анализ стихов, «Мастерская» со всеми замечаниями. Люблю стихи Галины Якуниной. Какая она умница!

А на литературных уроках А. Пушкина и В. Астафьева в письмах я учусь.

Из произведений, напечатанных в последних номерах, понравились стихи В. Дебелова (Арсеньев), А. Егорова (Владивосток) и артёмовской поэтессы В.Гундаревой; стихи других авторов, посвящённые Великой Отечественной

войне. Из прозы – рассказ Дэва Сирана «Медаль» – про бабушку Варвару Сергеевну, спасшую элитных свиноматок.

С нетерпением жду очередной номер «ЛитМ».

**Любовь КУЗЬМИНА,
г. Артём**

Синтересом слежу за творчеством Ивана Шепеты. Стихи Ивана Ивановича, с которыми я впервые познакомился в Интернете, написаны мастерски, а статьи – поучительны, помогают дополнить моё собственное представление об отечественном литературном процессе.

**Сергей ПРОХОРОВ,
г. Владивосток**

Отдел книгоиздания

Редакция ежемесячника «Литературный меридиан» возобновляет работу отдела книгоиздания.

Допечатная подготовка книги:

1. Набор текста – от 10 до 25 рублей за лист форматом А-4 (в зависимости от плотности и сложности текста), кегль 12, гарнитура – Myriad Pro, интервал полуторный.
2. Макетирование.
3. Верстка текста (1200 рублей за 100 страниц книги).
3. Обработка изображений.
4. Корректура.
5. Редактирование (цена – договорная).

Адрес редакции:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.
Тел. (+7) 924–263–29–79
(с 01.00 до 15.00 по Москве)
ICQ 223–267–185
E-mail: Lm-red@mail.ru

Для авторов и подписчиков ежемесячника «Литературный меридиан» предусмотрена система скидок.

ТАБЛИЦА СТОИМОСТИ ЭКЗЕМПЛЯРА КНИГИ (печать – ОАО «Типография № 6», г. Арсеньев)
(без учёта стоимости допечатной подготовки)

	100 страниц		160 страниц	
100 экз.	≈ 50 руб. за книгу (печать на ризографе)		≈ 88 руб. за книгу (печать на ризографе)	
200 экз.	≈ 48 руб. за книгу (печать на ризографе)		≈ 85 руб. за книгу (печать на ризографе)	
300 экз.	≈ 45 руб. (ризограф)	≈ 52 руб. (офсетная печать)	≈ 82 руб. (ризограф)	≈ 75 руб. (офсетная печать)
500 экз.	≈ 40 руб. (ризограф)	≈ 49 руб. (офсетная печать)	≈ 80 руб. (ризограф)	≈ 72 руб. (офсетная печать)

Приведенные расценки актуальны при печати на бумаге плотностью 65 г/см²; обложка мягкая, ч/б; книга сшивается по типу брошюры (при сшивании переплётom А-5 [скобы не видны] стоимость каждого экземпляра книги повышается на 5-10 рублей). Возможны варианты использования различных типов бумаги и полноцветной обложки.

К услугам наших клиентов – коллектив профессиональных дизайнеров, печатников, переплетчиков, редакторов.

Мы готовы работать индивидуально с каждым заказчиком!

Издавая книги у нас, Вы помогаете развиваться

«Литературному меридиану»!

В 2010 году исполняется 65 лет со дня окончания второй мировой войны, самой ожесточенной бойни в истории человечества. Каждый рассказ очевидца-участника этой кровавой мясорубки, пробирает до костей. Об одном таком солдате, защитнике нашей России, и не только её, этот рассказ.

Живет в Углекаменске (Северном Сучане) Ивлиев Алексей Федорович. Родился он в 1919 г. в нынешнем Волгограде. В двадцать первом году семья переехала в Пензенскую область, где Ивлиев А.Ф. окончил семь классов Чернозельской школы. Юношей поступил в Сызранский горно-нефтяной техникум.

С четвертого курса по комсомольской путёвке был направлен во Второе Чкаловское военно-летное училище. В мае 1941 г. окончил его в звании сержанта, по летной специальности «штурман». Через месяц, в июле 1941 г., добровольно попросился на фронт. Отправили на свой же аэродром учиться летать ночью на разных типах самолетов.

Зимой 1942 года Алексей с товарищами попадает на фронт, в четвертую воздушную армию Вершинина. В Саратове получили самолеты ПО-2, или, как их потом называли, «кукурузники». В мирное время применялись они для опыления полей от вредителей и подкормки растений.

Для современной молодежи поясню. ПО-2 – самолет, тот же мотоцикл «Урал» или современный «Иж-планета», но приделаны крылья, обтянутые перкалем (спецматериал, пропитанный лакокрасочной смесью). Вот и лети, открытый всем ветрам.

Служба началась под Москвой. Летали в основном на разведку и ночью на штурмовку передовых позиций противника. Вооружение на самолетах было слабое: пулемет да несколько бомб под крылом. Но немцы их очень боялись: о том, что над головой смерть, узнавали лишь, когда начинали рваться бомбы.

Летать приходилось много: на разведку, за ранеными, доставлять боеприпасы, к партизанам. Скорость у ПО-2 малая, но это давало возможность летать низко, маскируясь местностью – даже оврагами выходили в тыл противника. На таком самолете летчик и штурман-стрелок ничем не были защищены от огня, и поэтому только мастерство и выучка и спасали. Да еще ненависть к врагу. Вот что рассказал Алексей Федорович о своей первой награде:

– Вылетели на задание двумя самолетами. Надо было уничтожить железнодорожный мост через реку Лучесса, что между Оршей и Витебском, чтобы прервать движение составов с живой силой и техникой немцев на этом направлении. Бомбить мосты, в особенности железнодорожные – дело неблагодарное. Разбил взрывом несколько шпал – тут же их заменили, и движение восстановлено, а попасть в мощные опоры – быки – дело очень сложное.

Задача стояла непростая: вывести мост из строя на как можно больший срок. К самолету подвесили две бомбы ТШ-100 (термитные, шариковые, по 100 килограммов). Маскируясь, зашли на цель со стороны противника.

Первым летел самолет, сбросивший две осветительные бомбы. Сделал он это прямо над целью. Немцы открыли огонь, чтоб сбить висящие «прожектора». Штурман Ивлиев скоординировал летчику лететь над «осветителями». Над мостом сбросил две бомбы. Внизу польхнуло так, что в самолете обдало жаром. Стало светло, как днем, и немцы открыли по ним огонь из всех видов оружия. Конечно, со стороны это зрелище красивое

– все небо в облачках от разрывов снарядов, полосах прожекторов. Это по телевизору смотреть эффектно. А когда их самолет от близких разрывов бросало, как пушинку... Им же ещё надо было развернуться и пролететь опять под ураганным огнем над мостом, чтобы сфотографировать результаты своей работы. При развороте, после съемки моста, самолет сильно трянуло. В правой плоскости крыла образовалась рваная дыра. Осколками ранило штурмана Ивлиева, но они продолжали уходить в свою сторону. Уже почти вырвались из разрывов, как ранило pilota в ногу. Самолет плохо слушался рулей. Боялись, чтоб не попало в мотор: тогда – смерть! Они же были над территорией, занятой врагом. Еле-еле перетянули через линию фронта и едва ли не плюхнулись на поле. Им помогли выбраться из израненной машины и отправили в госпиталь, где и нашли их награды, Ивлиеву – орден Красной Звезды под номером 653247.

При том полете летчику и штурману Ивлиеву удалось попасть в опору моста (бык), и два пролета моста упали в реку.

После лечения они снова и снова летали на задания. До конца войны Ивлиев совершил триста восемьдесят шесть боевых вылетов.

Сбить маленький ПО-2 ночью трудно. И все же «Хейнкель» выследил их однажды и, обрушив на них всю мощь своих пушек, разнес его в щепки. Пришлось прыгать с парашютом. Благо попали к своим. За разгром военных транспортов в Гданьске (Гдыня) и Штеттине, где им удалось потопить два транспорта, Ивлиев А.Ф. получил две благодарности от Верховного Главнокомандующего. Был представлен к званию Героя. Но награда так и не нашла нашего героя. Что в конце жизни сказалося.

Войну Алексей Федорович закончил в Берлине. После войны был переведен на запасной аэродром под Алатырь, откуда вскоре был демобилизован, как инвалид по потере зрения. Зрение Ивлиев посадил на войне: при подавлении прожекторов врага, при наступлениях. Летчик не имеет права смотреть вперед, чтобы самолет не потерял ориентировку при ослеплении прожекторами. Штурман же ведет самолет визуально и должен все видеть, чтобы самолет не сбился с курса. Ивлиев лечился, но зрение восстановилось не полностью. В 1946 году Александр Фёдорович приехал в Партизанск (Сучан) к родителям. Здесь работал на стройке, женился, вырастил детей и восемнадцать лет отработал на шахте №10 «Центральная». В прошлом году оставил своё хобби – резьбу по дереву, которой учил детей в Доме детского творчества и Доме культуры поселка Углекаменск, сдали глаза.

Так воевали наши ветераны войны.
Низкий поклон им и вечная память.

Ты жив, человек, и любовью

Леонид ФИЛАТОВ

Спасибо

В наш трудный,
но все-таки праведный век,
Отмеченный потом и кровью,
Не хлебом единым ты жив,
человек, –
Ты жив, человек, и любовью.

Не злись, что пришла –
оттеснила дела,
Не злись, что пришла –
не спросила, –
Скажи ей спасибо за то,
что пришла, –
Скажи ей за это спасибо!..

Когда удаётся одерживать верх
Тебе над бедою любовью, –
Не волей единой ты жив, человек, –
Ты жив, человек, и любовью.

Не хнычь, что была, мол,
строптива и зла,
Не хнычь, что была, мол, спесива, –
Скажи ей спасибо за то,
что была, –
Скажи ей за это спасибо!..

Простите, мисс!..

Повеял с моря легкий бриз,
И сердце бьет тревогу...
Простите, мисс,
Простите, мисс,
Но мне пора в дорогу!..

Бродить по свету – мой девиз,
Штурвал – моя отрада...
Простите, мисс,
Простите, мисс,
Но ждать меня не надо!..

Вы говорите мне: стремись
К признанию и почете...
Простите, мисс,
Простите, мисс,
Но мне они ни к черту!..

Мне дорог каждый ваш каприз
И ваши ласки – тоже...
Простите, мисс,
Простите, мисс,
Но море мне дороже!..

Я не пойду на компромисс
Спокойствию в угоду...
Простите, мисс,
Простите, мисс,
Но я люблю свободу!..

Песенка о свободе слова

Приятный есть в стране у нас
закон –
Свобода слова тут не под замком.
Живи себе, дружок, и в ус не дуй,
А если что не так,
то протестуй!..

Когда ворюга, шастая в толпе,
Свой выбор остановит на тебе, –
Ты можешь, протянув ему баул,
Вполне свободно крикнуть:
караул!..

Когда на зов твой явится сержант
И тоже намекнет
насчет денюжат, –
Ты можешь, протянув ему
браслет,
С угрозой поглядеть ему вослед!..

Когда же и судья, закон поправ,
Наложит на тебя
разбойный штраф, –
Ты можешь, протянув ему кольцо,
С презреньем помолчать
ему в лицо!..

При таком обилии свобод
Ты можешь жить буквально
без забот,
А коль тебе свобода надоест –
Ты вправе молча
выразить протест!..

Песенка актрисы варьете

Все вы знаете, что греки
Поклонялись красоте,
Но красотки в ихнем веке
Были не на высоте.

Взять, к примеру, хоть Венеру:
Не девица, а утюг.
Неуклюжа и, к тому же,
Два обрубка вместо рук.

И чего вокруг калеки
Поднимать такой галдёж?
Да таких и в нашем веке
Тыщу верную найдешь.

Чем мы, нынешние, хуже?
Пусть не славимся в веках,
Но при муже и, к тому же,
При руках и при ногах.

Да пусти меня в музей
Постоять хоть пять минут –
Поглядевши, ротозеи
Сутки кряду не заснут!

Я бы встала в центре зала –
Всем богиням не чета,
Я бы грекам показала,
Что такое красота!

Романтики

Романтики, смолите ваши мачты
И задавайте корму лошадям.
Моряк из Ливерпуля,
Идальго из Ла-Манчи
Кочуют по морям и площадям.

Но мир бродяг неверен и обманчив,
Не верьте в их веселое житье:
Дрожит, как тощий мальчик,
Распятое на мачте
Измученное мужество моё.

Мой друг совсем не думает
о смерти,
Но, зная, как спасти меня от бед,
Он молча даст мне сердце,
Возьмет и вырвет сердце –
Спокойно, как троллейбусный
билет.

И детям пусть когда-нибудь
расскажут
От бед уберезженные отцы,
Что, в общем, и у сказок,
Таких счастливых сказок –
Бывают несчастливые концы.

ОСТАВЛЯЮ В ПОКОЕ

Евгения БАКАРЮКИНА,
с. Ромны
Амурской области

О возрасте

На куртке карманы и ленты,
Попсовый в наушниках бред,
С собой не ношу документы:
Мне ровно четырнадцать лет.

Бываю порой неуклюжа,
В оранжевый цвет влюблена.
В кроссовках и джинсах по лужам.
Сплошная не жизнь, а война.

Мне мама читает морали,
Мол, стыдно в мои-то года...
Ой, мамочка, грусти-печали
От нас не уйдут никуда.

Все учат, а папа балует
С зарплаты, тайком ото всех,
И мальчик украдкой целует
В подъезде, на лестнице... Смех!

Подумаешь, вышла за рамки.
Я буду всю жизнь, до зари,
Воздушные складывать замки
И мыльные дуть пузыри.

***

Мне больше некуда идти,
Разбиты в кровь душа и ноги.
Будь человеком, отпусти
Мои надежды и тревоги.

Мне больше нечего желать,
Твоей мечтой не стать
однажды,
Не утолить, не переждать
Волной нахлынувшую жажду.

Судьбе и смыслу вопреки
Нет никого тебя дороже,
Но мы так страшно далеки,
Когда стоим вдвоём в прихожей.

Мне бы на день другою стать,
Да не помогут грим и платья.
Я от тебя должна бежать,
А я бегу в твои объятия.

***

Я больше тебе не нужна,
Подумаешь, горе какое.
Конечно, оставлю в покое,
Зато никому не должна.

И больше не надо (дрожу?)
Ночами бороться с тоскою.
Не знаешь, что это такое?
Спроси, я тебе расскажу.

Про стены, про сны, про закаты
(Насквозь пропитавшись
Любовью,
Они даже пахнут тобою),
Про чувства вины и утраты.

Про ветер, порывами, южный,
Про плач детворы за стеною
(Ах, как я могла б успокоить,
Да только кому это нужно?)

Не слушаешь... Или не слышишь?
Скупые гудки телефона,
Ни карточки нет, ни жетона...
Я плачу всё тише и тише...

***

Оцинкованным небом,
асфальтными лентами
Чьей-то властной
нещадной рукой не спеша
Мы затянуты намертво,
скованы, слеплены,
Под железным корсетом
чуть бьётся душа.

В очерствевших домах
от молчания долгого
Сотни грустных людей
смотрят серые сны.
В предрассветных часах
слишком много недоброго,
Полчаса – до утра,
тридцать лет – до весны.

Не очистят от слёз
запотевшие дворники,
Метрономом стучат
на стекле лобовом

Безутешные кадры
несбывшейся хроники –
Наш с тобой неотснятый
семейный альбом.

Иллюзорного счастья
осколки рассыпаны.
Ни собрать, ни сцепить,
ни придумать нельзя
Новой сказки,
последние сцены отыграны
В безнадежную пятую
ночь ноября.

***

Каждое утро – на эшафот
Я поднимаю послушное тело.
Где-то проехала свой поворот,
В бешеной гонке не разглядела.

Ни тормознуть,
ни вернуться назад,
Ни поменять пустоту
на желание.
Невыносим твой обиженный
взгляд
В спину. Как пуля. Моё наказание.

«Всё не по правилам! –
спорю с судьбой. –
Мне не хватило
счастливого случая!»
Ты в этот вечер
уходишь к чужой,
Я обнимаю другого и мучаю.

Каждое утро – огонь и война.
Бьётся надежда
с цинизмом неистово.
Это сегодня сражаюсь одна.
Завтра – сначала,
с альбомного, с чистого.

Жизнь перепутали...

Юлия ПОДЛУБНОВА,
г. Екатеринбург

Муж

Входит он без стука –
и на кухню сразу.
И ножом по луку –
что ножом по глазу.

Любит, блин, приправы,
пряности, коктейли.
И бифштекс кровавый
называет Мэри.

Преступление

Почти что пригород,
вечерняя дорога,
дома огромные,
с подсветкой цифры.
Я добралась сюда пешком,
совсем немного
меня подвез юнец на мотоцикле.

Луной холодною облитые
ступени –
едва дыша,
едва не поскользнувшись –
и вот я кофе пью –
на месте преступлений,
как подсказал хозяин,
улыбнувшись.

Здесь слишком сумрачно
и мебель из бамбука,
в магнитофоне, кажется, –
Боб Дилан...
Ты раздевал меня уверенно,
как куклу.
А я молчала. И с ума сводила.

Богемное

До полудня ты,
спулав рояль с улыбкой,
звонко смеялся.

Затем – загрузил,
задушил кукушку в часах,
хлопнул дверью.

Напрасно я полночи
заклинала кофейную гушу –
ничего не получалось.
Лишь ломтик лимона
оказался ухом Винсента Ван Гога.

* * *

Я выворачиваю вещи наизнанку
и чую то, чего другим не чуют, –
предчувствую тебя,
как лихорадку,
которую никто не заврачивает!..

Страшилка

Хватит, мальчик, плакать,
головой биться! –
за стеной убийцы
в красных маскхалатах.

Хоть в шелках, в шанелях,
в шубках – нету разниц.
Люди лишь страшнее
без противогозлов.

Завтра, ангелочек,
что сказать – запомни:
– Помаши крылом мне,
брат бомбардировщик!

Рассказ мальчика

Ей, наверно, за сорок.
Но смеется: не зорек –
за сто.
Предлагаю встречаться,
молодой, мол, несчастный.
Не то.

Ледяное в перчатках! –
леденцы на печатках
перстней.
А протянет мне руку –
поцелуй же гадюку,
Персей!

Эскиз парка

Вокруг – искусственно живущая
дендрологическая тишь.
Заснула, не визжит летучая,
как дельтаплан из кожи, мышь.

А по дорожке парапетовой
спешат куда-то на восток
семь муравьев –
мотоциклетами,
уменьшенными раз во сто.

И ветер – по верхушкам вереска
скользит незримая рука.
И вдалеке пчела шевелится,
как ложка, в чашечке цветка.

Телефон для рыб

Скоро осень опять,
новое шапито –
будет в двери стучать
конь в крылатом пальто.

А пока – от жары
скука, мертвая сушь –
к телефону для рыб
позовет меня душ.

Можно пальцем крутить
у виска, например,
набирать, говорить
на кастальский манер.

* * *

От зонтов убегая,
повседневного вета,
я укрыться мечтаю
под ладонями света.

Хоть в пустынях Востока,
с солнцем дикорастущим.
Где простая икота
даст мне воздух насыщенный.

Где песочною пылью
только и захлебнувшись.
Чьи дожди, словно бивни,
в мои плечи вопьются.

* * *

Жизнь перепутали, замаяли
в две тысячи большом году,
и, говорят, деревья лаяли
в дендрологическом саду.

Проспекты стали переулками,
скоплением каменных вещей,
а стадион – точеной лункой
для голиафовых мячей.

И каждый лилипут, коленками
дрожа, решал свое, из двух, –
шагать спокойными шеренгами
иль навзничь, в тополиный пух.

ВРЕМЕНА ПРИХОДЯТ И УХОДЯТ*

* * *

Всё лучшее, оно уже вот здесь
навечно, если это сердце вечно.
Любовь. Друзья. Родня.
И этот лес.
И небо. И река.
И ветер встречный.

* * *

Всего и дел на белом свете:
поднять детей, построить дом
и на добро добром ответить,
на зло не отвечая злом.

* * *

Дорога к храму. Не успеть уже.
Путь долог. Вечер жизни
всё темнее.
Но если Бога не искать душе,
то чёрт покажет всё,
что станет с нею.

* * *

Знают наши депутаты:
не соврёшь – не проживёшь...
Получаем мы зарплату.
Это правда или ложь?

* * *

Страна родная пущена в расход.
Бессмертные избранники народа
живут, опять страдая за народ,
и умножают чистые доходы.

* * *

Всё мелет Емелька, всё мелет.
Он мастер молотья языком.
Поменьше бы слушал Емелю –
не стал бы Иван дураком.

* * *

За весь позор, за все страданья
однажды скажет: «Аз воздам!»
народ, пошедший на закланье
безумствующим подлецам.

* * *

И во вечные веки мы прокляты
будем отныне
нашим небом, и станем
уже не людьми,
если пеплом забвенья посыпем
родные Хатыни
и спокойно забудем
предсмертные муки Сонгми.

* * *

Король был, действительно,
голый.
Шуты подвизались в друзьях.
И мир оказался расколот.
И пешка дошла до ферзя.

* * *

Память что ли умерла в народе?
Недоступно трезвому уму:
времена приходят и уходят,
но людей не учат ничему.

* * *

Те же самые, хоть тресни,
надоели, хоть кричи.
Те же шоу, те же песни,
те же телехотмачи.

* * *

Оскорбительно. Дико. Обидно.
Горько. Страшно...
Так будет и впредь.
Потому что привычно,
не стыдно
забывать, и молчать,
и терпеть.

* * *

Волчий угол, край медвежий,
даль родная,
спящий космос
за стеною избяной.
Тихой звёздочкой мерцает
хата с краю.
А не с краю нету хаты ни одной.

* * *

Теперь сходить с пути напрасно,
реальнее сойти с ума:
повсюду вместо зданий разных –
одни торговые дома.

* * *

Рекламный бум телеэфира:
экран блатным огнём горит.
Не сотвори себе кумира –
погляди, что он творит!

* * *

Любимый он. Любимая она.
Соединила их любовь до гроба.
И вымерла любимая страна.
Поскольку голубые были оба.

* * *

В Маркса с Лениным не глядя –
что такое? was ist das? –
в лимузине катит дядя,
уничтоженный как класс.

* * *

Кто живёт со счётом в банке,
кто – с одним гражданским
долгом.
Не жалея чужие бабки –
жизнь копейка, а не доллар.

* * *

Правда есть на белом свете,
от неё не спрячешь взгляд:
бедные за всё ответят,
что богатые творят.

* * *

На небо не прихватишь
всякий хлам.
Открылось нам ещё
во время оно:
легко, свободно помирать
рабам.
Но – пожалейте
бедных фараонов!

* ПОЖАЛЕЙТЕ БЕДНЫХ ФАРАОНОВ. ВЛАДИВОСТОК, МГУ ИМ. АДМ. Г.И. НЕВЕЛЬСКОГО, 2007 г.
Подборка составлена Ириной Банкрашковой

Звёзд искринки

Владимир ЛЮКОВ,
г. Москва

Настроение

Дни бегут стороной,
Как сквозь пальцы песок.
Вот уже сединой
Серебрится висок.

Всё случайные встречи,
Боль потерь и утрат.
И похвастаться нечем,
Жизнь пошла на закат.

Идут поезда туда и сюда,
Проходят года и дней череда –
Вторник, среда, просто беда.
Больная страна, и цель не видна.

И чья в том вина? И грош нам цена,
Россия одна и чаша до дна.
В стуке колёс слышен вопрос:
– Кто вы? Куда-а-а?
Мы – в никуда-а-а!

Вышел месяц

Вышел месяц с вечеринки –
Серебристые рога,
И рассыпал звёзд искринки
На небесные луга.

И сквозь стёкла рам оконных
Свет его упал на пол,
Сколько ж, милая, бессонных
Без тебя ночей провёл.

В звёздном небе затерялась
Моя спутница-звезда,
Ты уехала, умчалась,
Не оставила следа.

Сколько мне ещё томиться,
Сколько жечь ещё свечей?
Надо ж было так влюбиться
В чудный блеск твоих ночей.

Всё пройдёт и разлетится
Грустных мыслей вороньё.
Скоро, скоро возвратится
Ясно солнышко моё.

Дом-музей

Валерий БРУСКОВ,
г. Екатеринбург

***

Хоть всем нам любовь
как наследство
завещана,
Но счастье тогда лишь
бывает
навек,

Когда и жену,
и любимую
женщину
В себе совмещает
один
человек...

***

Как много нас,
разумных муравьёв,
И так мала
планета- муравейник,
И род людской,
сметая всё под веник,
Забудет скоро
пеньё соловьёв...

Стремятся ввысь
термитники-дома,

И городов

коралловые рифы
Съедают мир,
и где- то кружат грифы
Над грудой жертв
величия ума...

Мы так спешим...
Торопимся. Скорей!
А внукам что
и детям их оставим?
Пусть «Красных книг»
хоть тысячу составим –
Не станет больше
выбитых зверей!

Так что ж мы строим?
Новый Колизей?
Мы заняты
великими делами!
А целый мир,
набитый чучелами,
Из дома превратится вдруг
в музей...

МЕТАМОРФОЗЫ

Люди есть – как холодильники...
.....
Люди есть – подобье термоса.
Владимир Дагуров

Был я как-то холодильником –
встречных взглядом холодил.
Был испорченным будильником –
на работе всех будил.
Был как термос:
в холод мёрзнущих
тёплым чаем согревал.
Фруктом был. Каким- то овощем
в огороде созревал.
Был бараном в стаде блеющим,
водопадом бил со скал,
как орёл летал на бреющем –
живность мелкую искал.
Проползал как тварь безногая,
был коптящею трубой...
Превращался я во многое –
не был лишь самим собой...

ТОЛЬКО ДО 31 НОЯБРЯ!

Льготная подписка на наше издание

Итоги конкурса

9 Мая

Места распределились следующим образом:

В номинации «Поэзия»:

I место – Олег Матвеев (г. Владивосток)

II место – Надежда Лавровская (с. Вольно-Надеждинское, Приморский край, Вера Гундарева (г. Артём).

III место – Владимир Люков (г. Москва), Владимир Самарский (г. Лесозаводск), Надежда Лебкова (г. Москва).

В номинации «Проза»:

I место – Юрий Любушкин (г. Николаевск-на-Амуре).

II место – Эльвира Кочеткова (г. Владивосток), Светлана Шкляева (г. Владивосток).

III место – Дэв Сиран (п. Углекаменск), Жанна Райгородская (г. Иркутск), Светлана Мащенко (п. Приозерный Амурской области).

Победителями в номинации «Художественное фото и рисунок» стали Сергей Чёрный (г. Арсеньев) и Виктор Ваганов (г. Владивосток).

В качестве призов победителям вручаются книги С. Барабаша «Избранное» и В. Тыцких «На честную память», альманах «Сихотэ-Алинь», а также почётные грамоты.

Благодарственными письмами жюри отметило работы авторов: Григория Рейнгольда, Клавдии Аносовой, Мары Муратовой, Геннадия Хомского, Ларисы Беляковой, Ольги Левашовой, Алексея Сулова, Анатолия Кухаренко, Александра Шакшуева, Татьяны Левашевой, Раисы Лихачёвой, Владислава Гусарова, Маргариты Калякиной, Светланы Королёвой, Олега Манзанова, Станислава Орлова, Нины Макаренко, Марии Калининой, Марии Козловой, Варвары Панасюк, Лидии Бойченко, Надежды Белоусовой, Анны Синяковой, Владимира Довженко, Валентины Гамаюновой, Андрея Манухина, Алисы Артёменко, Анатолия Комнатов, Нины Гудковой, Николая Кукушкина, Зинаиды Замякиной, Игоря Афонского, Надежды Рузановой, Петра Кунашенко, Валерии Пичугиной, Надежды Верхотуровой, Владимира Бугрова.

Завершился конкурс, посвящённый Победе над фашизмом в 1945 году. Однако в 2010 году мы будем отмечать 65-летнюю годовщину Великой Победы. Присылайте свои произведения, повествующие о событиях тех дней!

Подписка-2010

Подписаться на ежемесячник «Литературный меридиан» можно с **ЛЮБОГО** месяца, отправив почтовым переводом соответствующую сумму по адресу:

**692342, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16.**

Костылеву

Владимиру Александровичу.

1 месяц — 55 рублей,
2 месяца — 90 рублей,
3 месяца — 125 рублей,

**6 месяцев — 220 рублей,
1 год — 430 рублей.**

ВНИМАНИЕ!

Вы можете оформить подписку даже на номера, вышедшие с начала текущего года.

К подписавшимся помесечно просьба указывать сроки начала и окончания подписки.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ.

По просьбам наших авторов публикуем номер банковского счета, на который можно перечислить средства на **СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ «Литературного меридиана»**

Пластиковая карта

№ 4276 8500 9681 2919

в арсеньевском ОСБ № 7718/7718

Получатель –

*Владимир Александрович
КОСТЫЛЕВ.*

© Литературный меридиан

Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.

Тел. (+7) 914-666-1-999

Тел. (+7) 924-263-29-79

(с 01.00 до 15.00 по Москве)

ICQ 223-267-185

E-mail: Lm-red@mail.ru

Газета «Литературный меридиан» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Пер. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Костылев В.А.

СОУЧРЕДИТЕЛЬ:
коллектив редколлегии.

Главный редактор Владимир КОСТЫЛЕВ
г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

Сергей БАРАБАШ,
г. Владивосток.

Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Ирина БАНКРАШКОВА,
г. Хабаровск.

Объём издания – 4 печатных листа.
Тираж 500 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику и фактически 17 октября в 17-00.
Отпечатано в ОАО «Типография № 6», г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Владимир ТЫЦКИХ,
Юрий КАБАНКОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.